

| **ПОЭЗИЯ**

литературная премия

номинация

СТИХОТВОРЕНИЕ

года

БОГДАН АГРИС

Памяти Олега Юрьева

Стоит на городах огромная прохлада.
По устьям Луны мы выплываем вверх.
На ясене цветёт оконтуренный стерх:
Всё это — явственно, и света мне не надо.

Что там царапалось? Кто это вопрошал?
А продолжение понятно — «там боролось»...
На горизонте ждёт зарнистый мегаполис,
И в травы ветреные сходит Мандельштам.

Он в чешуе огня, он в сланце и труде.
Ночь вепрем семенит к зауженной звезде
И пьёт из млечного распахнутого горла.

Всё то, что было мной, тобой, а также им,
Крылами подметет подземный херувим,
И кто еще поймёт, что отраженье стерло...

Ссылка на текст: <http://www.plavmost.org/?p=12043>

НИНА АЛЕКСАНДРОВА

* * *

люди текут сквозь пальцы как ртуть
потные ладони слиплись срослись
в густой жаре невозможно дышать
тяжёлый воздух не переплыть
каска ОМОНа как мокрая галька

через стекло долгий тягучий стук
ваши действия незаконны немедленно разойдитесь
в противном случае будет применена сила или специальные средства

входим в людей как в тёплую цветущую воду
дубинки файеры вертолёты
голос из раковины гуденье подземного моря
вода заполняет собою пространство
вода расступается обнимает
главное не вдыхай
не закрывай глаза
не отпускай мою руку

Ссылка на текст: <http://znamlit.ru/publication.php?id=7048>

РОСТИСЛАВ АМЕЛИН

Высшая Жизнь Приматов

1

увидел место
между черновиков
где не было ничего
как будто они исчезли
и записал там то
что ко мне пришло
из будущих стихов

есть вещи
о которых нужно
сказать однажды
пока это возможно
пока они полезны
пока живет надежда
на то, что
слова не вещи

я слушал Думающий лес
запертый на ключ
спрятанный во мне
в самую глубину

из него текли образы
я не слышал голоса
это был шум космоса

галактики и звезды
разошлись по коре
где росли мои мысли
и померкли
как следы на траве

я видел организмы
в основе всего живого
ангела Архею
в курином боге

не познал всего
но увидел Жизнь
как высшее
во вселенной
и захотел забыть ее
но не смог

2

Большой взрыв
не был взрывом
мир пророс
и продолжил рост
к нам, счастливым

первые звезды
сиреневые титаны
взрывались в черные дыры
распространяли космос

вторые звезды
синие гиганты
взрывались в пыль
частицы сталкивались
аннигилировали

часто сочетались
но расходились

лишь иногда
все складывалось
в единое
растущее создание

комплиментарность!
формула любви!
невероятно крепкая чета!

не разорвать такую связь
после того, как вы сложились

вы теперь — одно
есть книга Жития
и вы — ее тетрадь

и даже если вас
разъединить
до атомов
возникнет гравитация
они вернуться к связи

пространство расширяется
приходится стремиться

рука к руке протягивается
но не ухватывается

тогда она удлиняется
и делается шире
становится сложнее
ветвится и раздваивается

в начале
крохотный кристалл
ошибка мироздания

а потом — империя
Золотой Астрал
солнечные здания

так возникает
Кристалл времени
твердое сознание
источник памяти

3

первая страница
в истории Жизни
не была написана
она только пишется
перелистывается
становится выше
с каждым новым стихием:

облака пыли
собирались в трети
золотые, земные звезды

и звезда четвертая
возле одной из них
родилась
как маленький большой взрыв
разлетелась вширь
только для своих

прекрасная Жизнь
совершенная
сумеречная спираль
бесконечная
такого не может быть
абсолютно вечная
только в своих мечтах

проросла из грязи
начальным деревом
поднялась в воде
основала первое царство:
Бактерии

город прозрачных тел
со сводом правил
для поддержания
стабильного
существования
таких частей
которые едва ли
встретились бы
и встали бы
настолько рядом
если бы Жизнь так
не отметила
их места

4

на своей заре
не пугаясь света
в далекую эру тьмы
Жизнь пошла наверх...

посмотреть
потрогать его лучи
признаться, в чем угодно
самой себе
на собственном языке
стать свободной

но обожглась
упала на самое дно
залегла во тьме

ей нужно вещество

у нее — потребность

свет к таким жесток

и она — последняя

Жизнь припала к илу:
хочу стать бессмертной!
помоги мне!

так настал день первый
и мертвые вещи мира
до сих пор
встают из земных глубин
и идут за ней
словно за кумиром

она для них — богиня
их Эволюционер
Высокая система
Архидоктрина

идет холодная битва
за свет во тьме
где у всех есть тело

5

жизнь так устроена
она пьет планету
как мы пьем воду
воды не стало меньше

и Земля спокойна
спасибо ей за это

и хотя простейшие
поедают мертвых
память их не стерта
их не станет меньше

можно стать растением
не сломаться в корне
собираться в семя
и потом раскрыться
прямо перед всеми:

призрак царевны
выходит из дерева
говорит без голоса
трогает без тела:

«Жизнь не исчезнет вместе
с твоим сознанием»

и будет вечно?

молчание

как ее уберечь?
что ты на самом деле?

не отвечает

как зовут царевну?

6

раз, два, три
четыре
пять
вышла Жизнь
из глубокой тьмы
погулять
в космосе любви

такая, какая есть
абсолютно одна

другой такой больше нет
может быть, была
но теперь
держись!
будь теперь всегда!

абсолютная Жизнь!
высокая дверца
в еще не возникший вид
откройся сердцу!
покажи свой истинный мир!

я — вещество
часть твоей системы
и мое назначение
важнее, чем я само
а это тело
расходный материал

у него есть масса
объем, заряд
скорость и время
расстояние
они не постоянны
вскоре они сгорят
и тогда я стану
воспоминанием
для таких, как я

7

я был потерян
но Думающий лес
показал мне, где я:

я видел воинство
от которого таял снег
я был в том воинстве
и царица была в нем

она видела сон
а я был сном ее
она погибла
в битве со Злом
и проснулась дома

ей снился сон
где она — богиня
но что-то случилось
там, внутри сна
что-то ее убило
она очнулась
и увидела странность:

Ядро вселенной
не отображалось
на Терминале истории!

и тогда царица встала
с постели
коснулась
Кристалла
и время
для него очнулось
от забвения

8

возможно
она заснет опять
и спустится
к последним из нас
выбрав жизнь примата

отыщет корень Зла
в самой себе
польет его из пузырька
с водой забвения
откроет горькую дверь
в империю
Золотой Астрал

но пока она у себя
а мы — здесь
в этой сфере есть
что сказать таким как я:

я счастлив, что я не камень
и что камень
живет во мне

я счастлив умереть
зная тайну:
я буду частью
живых созданий
это — Житие

я счастлив
доверить Жизни
свою органическую часть
и я могу не молчать
пока она у меня есть

жизнь людей
полная потерь
и утрат
это приобретение
в сравнении с тем
что у других приматов

и вместе с этим
жизнь человека
труднее, чем у многих

идти впереди планеты
чувствовать ноги
смотреть высоко на свет
мыслить строго

«человек звучит горько»
«Жизнь земна и убога»
«мир однажды остынет»

я не способен принять
эти истины
они не единственные

человек живет для себя
жизнь есть только
на планете Земля
внешний мир — пустыня

9

мы ничего не сделали
мы просто оказались

в солнечной системе
в объемной реальности

Жизнь — это достижение
многих живых созданий
Жизнь нелегко досталась им

мы можем изучать ее
размеры и вес
надеясь
на непорочное зачатие
и можем промолчать
пока у нас все имеется
но реальность
это не перчатка
мы остаемся в ней
ее нельзя снять
или надеть

я точно не в одиночестве

я точно не самый первый

я точно не последний

нас точно великое множество

наша общая жизнь
бездонный ковчег
изящный режим
торжествовавший
4 000 000 000 лет
не должен
достаться бездне

но этот вопрос — решим!

10

прекрасная Жизнь!
четвертая звезда!
не взорвись!
не возвратись в кристалл!
не исчезни!

мы — твоя болезнь
но мы можем стать полезны
с теми
кто мы не есть
создав Зерно биосферы

создав систему
земля — орбита
мы вознесем его
в небо
ты будешь крепко
закрыта
на сотни тысяч лет

но тебе
не нужно выбирать
свободна ты, или в рабстве
есть в тебе неравенство
или нет

тебе дана высокая власть
тебе придется держать ее

ты будешь
нашим счастьем
и в этом
твое проклятие

но ты
отправишься дальше
а мы — останемся

11

выпей столько планет
сколько пожелаешь

растопи на них лед
разожги под ним свет

будь неправильной
правильное — умрет

я обязан тебе тем
что не исчез

хотя я — сон
в пустоте и темноте

мечтой
я буду с ней
губами прижимаясь
к ее ладони
когда царица встанет
с постели
в самой
высокой комнате

случайно заденет шторы
за которыми ничто
не излучает

подойдет к приборам
в центре комнаты

и терминал истории
покажет ей сейчас

Ссылка на видео с чтением текста: <https://www.youtube.com/watch?v=WEV4QO8Qdsw>

ОЛЬГА АНИКИНА

Стекло

...Им нравилось моё лицо,
ему они и улыбались.
Когда ж я что-то говорила —
я говорила очень мало,
меня почти никто не слушал.
Но вдруг случилось кое-что.

Всему виной настенный шкафчик
с непрочной дверцей из стекла.
Он много лет висел на кухне,
и странно, что никто не видел,
как вдоль поверхности стеклянной
мелькнула трещина.
И вот —
я дверцей хлопнула, не глядя,
достала соль или петрушку
и наклонилась над плитой.

А в это время гильотина
скользнула вниз.
Надбровье.
Веко.
Щека.
Часть носа.
Подбородок.
Глаз уцелел, о счастье, глаз.

Прошло два года. Что могли —
то залечили.

.....

Нынче люди
совсем не смотрят на меня.
Зато — что ни скажу — то слышат.

Прислушиваются, кивают,
и, отвернувшись деликатно,
ещё раз просят повторить.

Смеюсь в ответ: так меньше видно
лицо.
И мне давно понятно,
что ни умнее я не стала,
ни мир не сделался добрей.

Но я всё так же, как и прежде —
люблю, что хрупко. То, что бьётся.
Стекло? А хоть бы и стекло.

Ссылка на текст: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_8/Content/Publication6_6976/Default.aspx

АННА АРКАТОВА

* * *

Выпью кофе утренний,
Поплюю с балкона,
Спи, ребенок внутренний,
Спи, мой незаконный,

Розовея, чмокая,
Уминая титю.
Нет — придет твой чокнутый
Внутренний родитель,

Словом не попорченный,
Чист как белый день —
Вытянет узорчатый
Внутренний ремень.

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/anna.arkatova.56/posts/10156543235569464>

ДМИТРИЙ БАК

Благовещенье

I

Т. С.

Тебя, не померкнув, отметило слово,
что раньше всех сил, у начала в горсти
толпилось, не вымолвлено, — простого,
как ветер, вздоха не в силах снести;

прости, не поспею за этим, навечно
застывшим в воздухе с гор до пят,
ничейным шепотом, бывшим речью
и ставшим вещью в себе; тебя

подряд узаконившим — долгим эхом,
по слуху звук подобранным к снам
о том, что дитя у царских в веке
сегодняшнем снова придет назад;

опять с проступающим половодьем
несолоно справлюсь, а впереди
младенец плещет, как пароходик, —
приходит милостыней на пути.

II

Марии С.

так я привык что в соседней всегда
комнате между белейшим и белым
дремлющий всхлип вызывает туда
в миг полусонный тебя непременно

я провожаю глазами — беда? —
в сумрак соседний где нежное чудо
спит-просыпается чадо вода
льётся в пластмассовую посуду
кто там живет золотыми огоньком
глазки протрёт и под тёплой рукою
ласковой крепкой твоею легко
снова взлетит над ночью землёю
тихо раздвинет пределы равнин
дальних времен ни меня ни тебя ни
даже дыхания нашего дни
не сохранят за горами-годами
вольной душою лети шаровой
молнией между печалей подобна
слышу шаги осторожные словно
издалека мировой заревой
гул приближается вечный который
каждую ночь из-под век узнаю
в небе парящей Шотландии в пору
медленный шепот в молочном краю

Источник: *Бак Д.* Дальний Орфей. — М.: Воймега, 2018.

ВАДИМ БАННИКОВ

* * *

город представляет собой крепость,
которая состоит из многочисленных
блокпостов и укреплений

мифотворцы, охраняющие отроги
порожистых речек
пираты с пистолетами и стволами
художники улиц в кварталах расстрелянных, где вроде окон
множество точек, проёмов, темнот
лодка школьника у причала

баниту, со мной
давно со мной такого не было
хорошо, что и ты со мной

рубленный город закольцован в небольшой объезд
набережная с крестами
пройдя в царство мёртвых по яузской улице
владелец автоматических пистолетов
стоят у фигуры владимира

на причале корабль ползёт

Ссылка на текст: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2018-37/bannikov>

ПОЛИНА БАРСКОВА

Из театральных воспоминаний

В этой сказке выпало мне подработать Шахерезадой,
Горькоглазой темнойязыкой унылозадой,
Полной песка и пепла песка и пепла,
Но по мере свивания текста выросло и окрепло
Тело моих скитаний презентабельным стало скисло
В горечь речь простокваши
Исполнилось квази смысла.

Шахрияр не казни меня.

Не потому что тоже
Как и сотни других, я искала тебя на ложе
Утоляя бореньем воли ночные страхи
Не потому что мне неохота плахи
Вонь почувствовать лезвия и прощанья негу

Не казни потому что со мной по снегу
(что это снег? Он любопытствует но скорее вяло)
Ты уйдёшь со мною,

Как старое одеяло,
Снег в моем краю желтоват сероват, следами
Испещрён неведомыми,

Как после пожара в дыме
Все хлопочут уже ненужные миру тени,
Снег в моем краю
Обрамленье предел хотений:

Не казни меня.

Пока я говорю
О вулкане-рыбе

О вагине подземной которая вход в Магрибе в усыпальницу демонов
О кошке царице яда,

На тебя проливается морок печаль услада
Утешение
вот ты и слово и вот ты снова
Белый сонный младенец,
Всему основа в тёплом доме что только тобою дышит,
Пёс храпит, повивальник вышит,
Бабка гладит лицо твоё, мудрая и живая,
От несносной нежности подвывая.

Я ещё говорю
Не казни меня
Лал сияет
Слово невысказанное зияет
Как жемчужину в рот тебе положу за щеку
Как себя в огонь твой
чтоб длился, —
Бумажку щепку

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/polina.barskova.3/posts/10155599803913097>

ВАСИЛИЙ БОРОДИН

* * *

печаль бывает изнутри
бывает вся внутри
сидит на краешке земли
на камешке зари

ума бывает далеко
раскинутая сеть
теряет душу-облако
и так всю ночь висеть

над ранним праздничным столом
смиренная оса
качает свой срединный слом
всё время полчаса

на поздних праздничных столах
у лодки лепестка
хромает муравей-феллах
гудит его рука

бывают улицы коров
над ними как старик
прозрачен ветер, нездоров
и внутренне горит

и пыль бывает как тоски
осадок из тепла
когда и дали далеки
и встреча обняла

Ссылка на текст: <https://dvoetochie.wordpress.com/2018/09/01/vasily-borodin-2>

АЛЛА БОССАРТ

Три девушки в хаки

Три девочки, брюнетка, и блондинка,
и рыжая (тут рыжих пруд пруди) —
стволы, ремни, пудовые ботинки,
но — маникюр и тесная в груди
рубашка хаки, грозный секс на марше,
у девок предшабатная гульба,
на кухнях пышут жаром три мамы:
Екатерина, Ривка и Гульбар.
Израильской военщины кокетство,
веселых 96 зубов,
давно забыто пасмурное детство:
Джелал-Абад, Бердичев и Тамбов,
другие города, другие травы,
и народилось десять новых ртов,
излечены младенческие травмы,
и взводный утром гаркнет: «Бокер тов!»,
в одном броске от сонного Ливана,
под вопли муэдзина в Рамалле —
исправить черновик в обетованной,
обещанной давным-давно земле,
тот черновик, где страх, ночные крики,
косые взгляды, уличная грязь —
плохую прозу Кати, Гули, Ривки,
которым вроде нечего терять, —
солдатки беспощадно сокращают,
вставляя файлы смелых, свежих глав..
А мамки ждут — с мантами и борщами,
с мацой и щукой ждут своих шалав.

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/alla.bossart/posts/1019531604870274>

ОЛЬГА БРАГИНА

* * *

может быть кто-то прочитает мои стихи через сто лет
и узнает как я тебя любила
вот борщ не сварила ни разу стихи я и так пишу всё время
это моё главное занятие
а сделать что-то полезное борщ сварить заработать денег
ради любви ведь можно было не только то что делать приятно
можно было не просто ограничиваться словами
но я не понимала что это за мир
в моём мире всегда всё было логично
слова всегда значили то что подразумевалось
раньше мне всегда хватало слов
потом они закончились их можно тасовать
как угодно но зачем
никто не узнает как я тебя любила наверное
я и сама не знала как это происходит обычно
в повседневной действительности стирки руками
я не понимала что это за мир
психиатрическая больница имени Ганнушкина за окном
богаделки в тулупах мрачной поступью мертвецов
гуляли по двору туда-сюда я смотрела в окно
гопники во дворе бросались бутылками
соседки выгуливали собак маленьких пород
алкоголики в беседке обсуждали Платона
или Сократа точно не помню кого потом к весне все исчезли
появились чёрно-белые котики ты сказал: «они пережили зиму»
я ответила: «ну хорошо ведь» и улыбнулась им

Ссылка на текст: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2018-37/bragina>

КСЕНИЯ БУКША

* * *

нет не отдам свою страну
которую обнимаю когда сплю
никому

пусть приходят страну изымать
или думают — мне уже не назвать
но страну я обниму

понюхаю свалявшийся мех
(уронил в грязь, потом надушил)
и под одеяло, от всех

за окном гремит, плещет железный дождь
и внутри у тебя, страна, что-то стучит
да и в дверь грохочет, стучит

закрываем с тобою глаза
с тобою мы тихо поём
задыхаясь, под одеялом, вдвоём

пыль, пуговичные глаза
под вёками намалёваны красные цветы
в разгаре темноты

никто не отнимет меня у тебя
никто не возьмёт тебя из меня
ты это я
я это ты

Источник: *Букша К. Шарманка-мясорубка.* — М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2018.

ИГОРЬ БУЛАТОВСКИЙ

Большая вещь

Немного в этом смысла. Могло быть и больше.
Как во всем остальном. Скользкое слово — «смысл».
Слепое слово. И зачем ты с него начал?
И кто это — «ты»? Темное зернышко фальши,
вырастающее до неба ремеслом
огородного пугала, вечных мочал?

Смотри, вот оно идет — циркач на ходулях,
спрятанных в длинные штаны, в широкий клёш,
реящий (какого цвета? пусть бирюзовый)
в сером небе. Задери голову, до боли —
увидишь два шагающих колокола,
а выше — тряпка на палках, шапка-разява...

Дети выходят из школы с горбами смысла
на разноцветных куртках, пинают снежные
черепа, поскользываются на бегу,
забрасывают горбы в сугробы. Мослы
света под стеной супермаркета. Тележки
катаются под ветром, давя голубей.

Это и есть целое. Супермаркет. Здесь
можно найти счастье. Надо только набрать
полный рот слюны, чтобы как-то склеить ветки,
крики детей, узоры шин, рыжую супесь
на льду, бомжа, примерившегося посп(р)ать,
и обязательно — мелкий сквознячок света.

Можно размножаться, высиживать, кормить,
можно даже изобразить себя птицей.
Какой? Ласточкой? Нет. Конечно, вороной.
Крепкой морщинистой лапкой ходить по миру,
частым сердцем стучать в бирюзовые яйца,
синим глазом держать на оси свой простор.

Здесь не то чтобы нет надежды — она вроде похоти: если нет, то будет. Здесь нет места надежде. Это вопрос климата. Слишком тесны связи между словами на холоде, слишком стройна решетка фразы, слишком честно отчитывается речь перед, брр, умишком.

Но это «здесь», где «нет места и т. д.», — есть. Можно, как Ворон у Теда Хьюза, сморгнуть, снова сморгнуть, но не исчезнет ничего, все улики будут здесь, на своем месте, и тот же ботинок, рваный, набухший, лежащий в грязи, а еще ржавая бочка

без дна — комнатка ветра с видом на лужу. Только бы не видеть все это своими глазами, косящими на смерть, ко всему ставящими сноску: см., см., см., как бы вчуже, а смотреть на всё — о, не хищно! — как на сумму по большей части поводов для игры, тем

для карканья, смотреть кругло и серьезно и видеть опрокинутый свет, который захлебнулся облаком, упал и разбился на тысячи пивных стеклышек, вбитых в мерзлый грунт сильным клювом, как гвозди, — чтобы воры не нашли, да так потом внутри и забытых.

Да, так и быть, со всякой ерундой внутри, стеклянной, бесценной, вжитой промеж костей, похрустывающей, посверкивающей при сдавливании, при ловле мелкой твари, уходящей в ткани, пока ее не застит сухой толченый свет, порошок Большой Вещи.

Это не музыка, это зима. У. Х. Оден спускается в бар напротив, потому что у него в уборной замерзли трубы, они больше не поют. Орфей спускается zum Bad. Холод берет выше на полтона. Пальто сутулится, сует рукава в карманы.

На что песне-то надеяться в гололёд?
На что? Песне-то? На то самое «нет места»,
своего, отхожего, где можно было бы

подумать, и согреться, и взять пару нот
чуть повыше холода. Общественный снег
падает на непокрытую голову.

И превращается в пепел, или в перхоть —
зависит от чувства юмора. Так что песня?
Пора уже решить, что она такое
в этих местах, превративших порох в прах,
холод в хлад, голод в глад, мороз в мраз, а ясный
ум — в костный мозг, и музыку — в тело пустое.

Это — медленное слепое движение
вдоль — вернее, не слепое, а размытое, —
вдоль зимней решетки непроглядного сада,
где фонарики над катком или лыжной
качаются неровно — печати на свитке,
скрепляющие сплошной словарный распад.

Но вот движение жадно остановилось,
при этом не прерываясь, будто оно
втягивается между двумя прутьями
решетки, как обратная ветка, как жила
вдоха внутри выдоха, как фрагмент кино,
смотрящий зрителя, как счастливая ртуть.

Там, в саду, в общественном договоре Ветки
с Человеком о том, что ветка будет смотреть,
как человек умирает, падает, идет,
там, в саду зимнем, смутном, беззаветном,
там, в саду, перепутавшем жизнь со смертью,
пробегают лыжник, звенит ледяной пот.

Вот и всё. Только железная высота
побежало вспыхивает, Большая Вещь
раздвигает аэростаты, смотрит вниз,
на лыжника, на упавшего. Красота
смерзается с воздухом, ледяная печь
печет хлеб не-сущий, непогрешную линзу.

Большая Вещь смотрит в нее и видит
маленькую вещь, темное зерно, место-
имение, с крыльшками-кавычками,
говорящее «чик-чирик», недобитое,
несъеденное, не запеченное в тесто
из целлюлозы, вместе с другими птичками.

И видит она пугало в зимнем саду
над ядрами дикой ледяной капусты,
под пулями вишен, створаживающих кровь,
на плече у пугала сидит какаду,
голова и туловище у него пусты,
в них солома и звуки выученных слов.

Пугало смотрит, как вокруг растёт сугроб,
снег заметает штаны, подступает к горлу,
деревянное горло произносит: «Ик».
Светает. Дети идут в школу. Их горбы
полны зябкого смысла. У ворот школы
их встретит мертвый одноклассник-снеговик.

Ссылка на текст: https://www.facebook.com/story.php?story_fbid=10215226010137074&id=1038315207

ДМИТРИЙ БЫКОВ

Памяти Бунюэля

Когда бы я был Испания времен генерала Франко, —
Зараз содержанка старая и старая каторжанка, —
Где был он в функции промысла, вождя и премьер-министра,
Должно быть, я бы подстроился. Наверно, я бы смирился.
Со временем в смысле почерка он стал добрей неокона:
Сажал уже только точечно. Пытал уже неохотно.
Фрегат, непривычный к плаванию, давно бы дремал в болоте
И мнил его тихой гаванью в предутренней позолоте.
Когда бы я был Испанией времен генерала Франко,
Со лба бы сошла испарина, закончилась бы болтанка,
Пошла бы в рост экономика, взлетев процентов на триста,
Собор бы привлек паломника, курорт бы привлек туриста,
Медлительные холерики смешали бы хронотопы
Не то Латинской Америки, не то Восточной Европы,
И бывшая эмиграция в припадке тоски и злости,
Смущенно включая рацию, пожаловала бы в гости.

И вот ты прибыл в Испанию эпохи позднего Франко —
Не то монумент исканию, не то консервная банка,
В которой лежит нетронутым задор молодого вздора —
Ты прячешь Анри Бретона там и раннего Сальвадора.
И надо ли было мучиться, коль массой твоих сограждан
Другой вариант их участи решительно не возжаждан?
А сколько всего прекрасного, открытого для показа!
Не бедствует зал Веласкеса. Открылся музей Пикассо.
А что же, Пассионария с ордою бойцов помятых
И прочая вакханалия начала конца тридцатых,
Прыжки из огня да в полымя да вечные эти путчи,
А что, анархисты ПОУМа тебе представлялись лучше?
И вот он бродит по местности, где все наизусть известно,

В сиянье своей известности — сомнительной, если честно, —
Среди журналистов трущихся, терзаясь чувством неясным.
Его былая натурщица на рынке торгует маслом,
Была вся огонь, вся грация, а стала дуэнья, сводня —
Естественная, как нация: что в юности, что сегодня.
Испания есть Испания, простая, как поговорка,
И знаешь, все это правильно. Припомнится, правда, Лорка...
Испания есть Испания, сказал еще Оливарес.
Мы вряд ли были бездарнее, однако не нарывались.

Когда бы я был Испания времен генерала Франко,
Я б вечно кивал на Сталина, и в этом была бы правда.
Уж если иметь диктатора, то лучше иметь такого —
Конечно, тоже усатого, а все-таки не дракона.
Испания испытание прошла в щадящем режиме —
И Франко был респектабельней, и те, кто ему служили.
Испания есть Испания, предтеча Нового света.
От смерти она избавлена, но вместо нее — вот это.

Ссылка на текст: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/07/01/76998-iz-liriki-etogo-leta>

ДМИТРИЙ ВЕДЕНЯПИН

* * *

1.

Тебя не будет, тебя не будет, тебя не будет, —
Подпрыгнул как-то в своей кроватке дошкольник Изя,
Ладочки взмокли, губа трясётся, глаза как блюдца,
Один на целом-прецелом свете во мраке жизни.

Настало утро, и мальчик Изя и все проснулись.
Вот солнце светит, вот папа ходит, вот мама гладит.
Ночные страхи вдруг расступились, перевернулись
В какой-то дикий *теду бе нябет, теду бе нябет.*

2.

Однажды Изе приснилась птичка с часами в спинке.
Она сидела, потом вспорхнула и улетела,
И понял Изя, столетний Изя, тараша зенки,
Что худо дело, ох, худо дело, эх, худо дело.

Опять за горло его схватили железной хваткой,
Опять сверкнули в углу над шкафом клыки и когти.
Будь Изя прежним, подпрыгнул б снова в своей кроватке,
А этот просто, держась за сердце, привстал на локте.

Источник: *Веденяпин Д. Птичка.* — М.: Воймега, 2018.

АЛИНА ВИТУХНОВСКАЯ

И притворилась галстуком петля

Когда моя «душа» уходит в пятки,
мне кажется, я самости лишен.
Моя «душа» со мной играет в прятки.
Стою в углу, слеп, честен и смешон.

Стою в углу, где дует в щели смерти,
где мне до ста назначено считать.
Мой бог смешной приказывал: «Не верьте!»
И я тогда не смел ему внимать.

Я всех святынь своих лишился сразу.
И в ад попав, смотрю в дверной глазок.
И вижу надпись «Я ушел на базу.
И не вернусь.» И подпись: «Ваш не Бог.»

Так лишь никто быть может беспощаден.
А если может, то не может быть.
Но может бить. И от того из ссадин,
Из ран я тек, чтоб так его «любить».

Так надо как дано. Дано как надо.
И хорошо, что некого винить.
И после смерти не бояться ада
мне, обреченному родиться в нем и жить.

Внутри себя я ощущаю мебель,
хромающий двуногий табурет.
И если есть Не-бог на базе неба,
то, слава богу, что на небе бога нет.

Как насеком я, как доисторичен.
Как погремушки кости на соплях.
Как тень пиджак отбросил наземь личность.
И притворилась галстуком петля.

Ссылка на текст: <http://litteratura.org/poetry/3078-alina-vituhnovskaya-proletarshie.html>

ТАТЬЯНА ВОЛЬТСКАЯ

* * *

Вот он плывет над нами — призрак, Бессмертный полк,
В гулком «Ура!» — как будто грохот «Катюш» не смолк.
Дедушки черно-белые, глянцевого отца,
Ветер лижет их лица — на палочках леденцы.
Все мы на запах Победы слетаемся, как на мед,
И мертвецы над нами тихо плывут вперед,
В будущее. Молчали деды — придя с войны.
Внуки пригубят крови дедовой — и пьяны,
Столько ее разлито — рядом ли, вдалеке —
Все мы стоим по шею в теплой ее реке.
Волны ее упруги: здесь, посреди реки,
Все поневоле братья, на берегу — враги.
Завтра пойдут колонной дети — и встретит их —
Черной икрой ОМОНа площадь: не для живых!
Вот сгорят они в танке, примут последний бой —
Мы их наденем на палки и понесем над собой.
Будем любить их нежно, в мутном глазу — слеза,
Будем любить их — павших, ну а живых — нельзя.
Вязкое солнце льется, брызжет багряный шелк.
Главная наша надежда — мертвых засадный полк.

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/tatiana.voltskaya/posts/2200308326651211>

МАРИЯ ГАЛИНА

* * *

Он говорит: ты всё молчишь и молчишь
Обед не готов бельё не развешано не убран дом
Развеселись — гляди мальчиш-кибальчиш
Скачет под окном
Как вырос за лето соседский пацан Артём
И мать на скамейке гордится своим дитём

Она говорит: звезда у него во лбу
Будённовка островерха горит в огне
Он исполин он дует в свою трубу
На бледном коне
И взор его режет острее ножа
На уровне третьего этажа

Он говорит: семейный создать уют
Не так-то сложно какие-то пять минут
И кофе готов гляди за окном клюют
Рябину дрозды не сеют они не жнут
Нарежем хлеб на двоих разольём вино
А птицам крошки высыплем за окно

Она говорит: по сигналу что он трубит
Из океана выползет трилобит
Те чёрные птицы слетелись из-под земли
Им капли крови рябиной лежат в пыли
Они клюют во тьме и при свете дня
Не прикасайся не трогай больше меня
Не обнимай меня не целуй меня
Мне стыдно всадника страшно его коня

Он говорит: вольны мы и ту и ту
Реальность видеть в посмертном своём быту
Предпочитаю разум и красоту
Тем более кофе выкипел на плиту
Ты бы протёрла её, а то пригорит и тогда уж совсем не отскребёшь...

Гляди, жена:
Воздвигся град, из лазурита его стена,
Что нам с того, что ни солнце и ни луна
Городу этому более не нужны?
Свет его в Славе, народы все спасены.

Источник: *Галина М. Четыре года времени. — Ozolnieki: Literature Without Borders, 2018.*

ВЛАДИМИР ГАНДЕЛЬСМАН

* * *

С утра, чуть рассвело, я у подножья
цветка увидел крохотный обоз —
карминный с черной крапинкой — то божьей
коровке в насекомый храм брелось.
Чуть вздрагивали иногда надкрылья —
взлететь ли ей на праздничный простор
или вернуть крылатые усилья
обратно в шеститочечный узор?
Цвел колокольчиков тончайший хор.

Кузнечик велимир, как бы калека
с клюками, приготовился лететь,
и усики подъял его коллега,
из листьев мари выглянув на треть.
Полз муравей, неутомимый левин,
плыл мотылек ганс христиан, цветы
целуя и не ведая беды, —
к заутрене, на маленький молебен
во славу их праматери — Воды.

На поле пасся, вдалеке от крова,
конь, и блистало тело вороного,
как черные китайские шелка:
взглянуть — и вмиг зажмуриться, и снова
взглянуть, но так, чтоб дрогнула строка.
Из полевой необозримой шири
я в лес забрел, где чудилось мне
то зинь, то фью, то сип, то цири-цири...
И там остановился в полутьме.

Великое событие оленей
шло меж деревьев, бережно косясь.
Их ласковое пламенное племя
несло рогов изысканную вязь.

За ними шел поэт в пижамной паре
и бормотал сквозь круглые очки
одический рефрен о божьей твари.
День угасал, но вечер был в ударе,
и что ни шаг взрывались светлячки.

Ссылка на текст: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2018/3/konkobezhecz.html>

ДМИТРИЙ ГАРИЧЕВ

* * *

что гайдар ночей не спал, а мать кормила
грудью губернаторских собак
за пакет крупы, осколок мыла,
чтобы в бургеркинг или макдак
шли теперь все выбл.дки из тыла —
в это мне не верится никак.

или чтоб с ветвями краснотала
ради поруганья от ментов
выдвигались против капитала
несколько гуманитарных ртов —
нам носили хлопья из подвала,
тоже примириться не готов.

страшно ждать заказа, но сдаётся
общий счётчик, женщина смеётся
как ещё до обнуленья лет,
но и в забытьи не признаётся:
просто лучшего у мира нет.
будь же ласков, сядь же вместе с ней:
здесь твоя положена расплата
слаще крови пролетариата,
обморока школьного честней.

Ссылка на текст: <https://magazines.gorky.media/volga/2018/1/vospominanie-4.html>

АННА ГЛАЗОВА

*

кто бы не хотел склеиться
из кусочков земли
вывернутых червями
и растений из прошлого
и из сора?

кто бы не хотел сказать,
меня нет,
я ваш должник,
я часть,
мы даже и не мы, а целое?

ты протягиваешь руки,
смотришь,
сажаешь — копаешь,
растишь — строгаешь,

и только когда,
бывает,
задумаешься
до беспамятства,

слышишь вдруг музыку
из того что стало полезным и мёртвым.

Ссылка на текст: <https://snob.ru/entry/164136>

ЛИНОР ГОРАЛИК

* * *

Белое такое, невесомое, и кружится, в рот раскрытый падает —
«Мама, мама, что это такое, — что это такое, мама?!» —
«Это манна, манна;
да веди ж себя по-человечески, горе мое, — мы ж не нищие, —
отоварим сахарные карточки, хлебные талончики;
Сене можно, Сеня безотцовщина, а тебе меня позорить нечего,
да еще и прямо перед ужином, — рот закрой и стой по-человечески
или за угол иди, чтоб я не видела».

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=10156998991163769&set=a.10151297752208769&type=3&theater>

ГРИГОРИЙ ГОРНОВ

* * *

Я всё же приехал в это владенье лис —
Электричка пробралась кривыми с большим трудом.
И все мои мысли неожиданно оборвались:
Впереди был только нескончаемый бурелом.
Я наступил на разбитое, ржавое ламповое табло.
И перешёл в другое измерение по частям.
По заросшей насыпи с остатками от столбов,
И релейными ящиками, выпотрошенными к чертям.
Ты ждала меня в месте, похожем на всё вокруг,
Но на самом деле я попал во временной карман.
Ты колдовала и рассеивала жару,
А в подоле платья летал, вереща, комар.
И, так и не поняв по часовой или против — дорога в ад,
Мёртвым алмазом рухнул к твоим ногам..
Ночь подошла вплотную, постояла, пошла назад,
И лес зашумел, заштрихованный помехами голограмм.

Ссылка на текст: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1636000299820581&id=100002318806098

АНДРЕЙ ГРИЦМАН

* * *

Я теперь всё больше молчу.
Не могу потерять те звуки.
Позвонить мне, что ли, врачу,
чтоб насыпал таблеток в руки.
Я тогда ненадолго в провал.
Невозможно, чтоб было хуже.
Выплывает родной овал,
так во сне на тебя похожий.
И подумать — так можно жить,
в темноте сплетаясь словами.
Ты одно только мне скажи:
мы ведь вместе в глубокой яме?
Там есть водка, табак, есть снедь,
две заколки, серьга и свечи.
Мёртвым сном отдыхает смерть.
Потому расставаться незачем.

Источник: *Грицман А. Спецхран*. — М.: Воймега, 2018.

АНДРЕЙ ГРИШАЕВ

* * *

Под ленинградскими березами
Да в страхе страшной мировой,
О, мальчик с бедной головой.

С паническими гладиолусами
Ступает скорбно в третий класс,
Не узнавая всякого из нас.

Друзей его летающие личики,
Остроугольные значки,

О, в коробках занюханые спички,
О, кур подвешивание на крючки.

О, всюду космос.
Вот берет Надежда Игоревна,
И, пальцем медленным по глобусу скользя,
О, взрытый глобус —
Ничего не выиграно.
Летим в столовую по космосу, друзья.

Где Стыд и Срам, и золотом по золоту
Картина стыдного и страшного суда,
Зверьки неутоляемого голода
И ленинградские траншеи навсегда.

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/listikoff/posts/2333926693289516>

ЮЛИЙ ГУГОЛЕВ

**ТЦ «Зимняя вишня»
Кемерово, 25 марта 2018 года**

Представляешь себе этот зальчик?
Что поверхность экрана, — чиста?
Кто мы, девочка или мальчик?
И какие у нас места?

Ну, давай мы придем попозже,
там ведь есть и другой сеанс.
Как потом все, господи боже,
будут странно смотреть на нас.

Мы пропустим, что было в начале,
нам расскажут, чем стали потом
те, оставшиеся в этом зале,
прикипая к плечу плечом.

Кто кого на подошвах вынес,
у кого скрипит на зубах
та «неблагоприятная примесь»,
распыленная в облаках,

оседающая на коже
тех, кто против, и тех, кто за...
Посмотри же, Господи Боже,
что-то мне попало в глаза.

Те, кто дымом в чужую одежду,
станут облаком — это вранье.
Что ж ты так извазюкался? Где ж ты
так изгваздался, горе мое?

За собой не зная вины, я
с глаз смахну, оботру с лица
эти красные, кровавые,
неопознанные тельца.

Ссылка на текст: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2018/2/bukvy-na-plite.html>

ДАНИЛА ДАВЫДОВ

* * *

может быть, я, деточка,
с твоей точки зрения растительная какая
форма жизни,
ведь мне всё простить – пустяк,
лишь было бы солнышко за окошком,
ну, или хотя бы искусственный свет

всё так

но зато я всё знаю про движенье планет,
про то, что светит отчизне,
про то, какая когда под тобою сломается веточка

Ссылка на текст: <https://magazines.gorky.media/volga/2018/9/polozhim-ya-idu-za-nimi-i-dr-stihi.html>

ДМИТРИЙ ДАНИЛОВ

Египетский патерик

Авва Альберт
Пришел к авве Эдуарду
Посоветоваться
О духовных вещах
Авва Эдуард
Слыл великим учителем
Благочестия
А авва Альберт
Был тоже ничего себе
Имел репутацию
Что называется
Продвинутого старца
Но авва Эдуард
Был все же продвинутее
И вот, авва Альберт
Пришел к авве Эдуарду
И сказал
Приветствую тебя
Великий отче Эдуарде
Приветствую мудрость твою
И еще сказал
Разные слова
Которые считались необходимыми
В Египте четвертого
Или пятого, или шестого
Века нашей эры
Авва Эдуард сказал
Да ладно тебе
Давай, садись, не парься
Вот, у меня тут
Хлеб, маслины, вино
В общем, чем богаты
Как говорится

Угощайся, давай
Что там у тебя

И авва Альберт сказал
ОтчеЭдуарде, что мне делать
Со смертью
Она есть
Она обступает меня
Со всех сторон
Я сам скоро умру
И умирают дорогие мне люди
АвваДжеймсон умер
И авваЦзяоСы умер
И авваВимванХелден
И вот недавно
АвваЖозе Эдуарду душ Сантуш
Умер
А ведь был он
Совсем молодой
Кажется, скоро не останется авв
Смерть окружает меня
Плотным кольцом
И как мне жить, дорогой авва
Как совершать мне мою
Извини за выражение
Духовную практику

Авва Эдуард
Отхлебнул вина
Закусил маслиной и хлебом
И сказал
А ты помнишь
Как ехал на поезде «Спутник»
От Казанского вокзала
До станции Раменское
Ясным летним днем

И авва Альберт сказал
Помню

Авва Эдуард сказал:
А помнишь
Как ехал в поезде
Полярным днем
По Мурманской области

Среди сосен, скал и ручьев
Среди ночного
Сияния неба

И авва Альберт сказал
Помню

А помнишь, как
Подъезжал к Парижу, утром
Маленькие городки
Церкви маленькие, смиренные
И вообще все такое
Что хочется выпасть из поезда
И припасть к этой
Казалось бы невзрачной
Земле

И авва Альберт сказал
Помню

А помнишь, как в Мадриде
Стоял на пустой площадке
Для выгула собак
Смотрел на автостраду
На несущиеся мимо машины
И думал
Благословенна эта земля
Помнишь?

И авва Альберт сказал
Помню

А помнишь
Как ты сидел на трибуне
Стадиона «Белоозерский»
И наблюдал
Как местная «Спарта»
Громит со счетом 8:0
Сборную глухонемых
Московской области
В матче
Чемпионата Воскресенского района
И как тебе во время игры
Позвонили

И сказали
Что умер человек

И авва Альберт сказал
Да помню, помню
Только вот не понимаю
Что это вообще такое
Вот это, о чем ты говоришь
Раменское какое-то
Мурманская область
Мадрид, Париж
Это что вообще
Не знаю таких городов
Мест таких
Нету этого всего
Есть Рим, Александрия
Иерусалим
А этого всего нет

И авва Эдуард спросил:
Но ты ведь помнишь?

И авва Альберт сказал:
Да, помню

Авва Эдуард сказал:
Ну вот, это всё
Что я могу тебе сказать
О смерти
Она есть
Мы все умрем
И ты тоже умрешь
Но есть ведь Раменское, Мурманская область
Париж, Мадрид
Поселок Белоозерский
А если не есть, то будут
Какая разница

И вообще, знаешь
Давай, садись
Вот, смотри
Вино нормальное
Нам тут привезли
Давай, пей, угощайся
Маслины вот, хлеб

Авва Альберт
Выпил, закусил
Как и предлагал авва Эдуард
Слегка захмелел
И ничего не понимал
И тут можно было бы написать
Что ему стало легче
Но нет, не стало ему легче
Смерть никуда не отступила
Разве что алкогольное опьянение
Несколько развеяло
Печаль аввы Альберта
И он туповато подумал
Инда еще побредем, Марковна
До самая смерти
Кто такая Марковна
Авва Альберт не знал

Авва Альберт встал
Поприветствовал авву Эдуарда
Всеми словами
Которые использовались
В таких случаях
В четвертом, пятом
Или шестом веках
В Египте
И пошел в дом свой
В свою келлию
Или как там это тогда
Называлось.

Источник: *Данилов Д.* Печаль будет длиться вечно. — Нью-Йорк: Ailuros Publishing, 2018.

ИЛЬЯ ДАНИШЕВСКИЙ

*снесите наши дома быстрее и конечно наши тела и наши углы и наши туннели
сообщающиеся сосуды вакуума под инфракрасными лампами перед сносом — наши постели
и наши царапины и психосоматику
пусть святость и разрушение разорвет в клочья
взаимоотношения
пробелов с пробелами*

наказание разлитого в воздухе вторника до приторного повторения взрывных согласий
до залов судебного заседания передающегося из рук в руки потные и кровавые ладони проводов стагнирующих в лактации 6 мая паломников в сладких свитшотах

наказание за излишнюю прямолинейность отлучения от правдивого я бы хотел еб.ть тебя (в значении сейчас, здесь, потом завтра, в выходной, когда ты приезжаешь для смыкания, когда опускается вечер, и до конца времен — который наступит может быть совсем скоро и мы не успеем ничего кроме размытого поцелуя; в значении любить тебя но не только и выйти за горизонт и не оскорблять тебя молчанием о моем желании) отнятого у того что принято зубами засаживать сады далекого берега оберегая тебя от разрушительной силы правдивых слов

наказание за уклончивость и витиеватость отлучение от деликатного неприкосновения (когда я не сообщаю, чего мне бы хотелось, и когда я отдаюсь неизвестности дня и не начинаю будущего в опасении ядерной кромки горизонта) отнятого у тех кто нашел размеры для своего аффекта и укомплектовал в удобные письма в удобное для тебя время

наказание за измены как сохранение твоей целостности ценой чужих ватерлиний и чтобы не призывать тебя к революционному отвержению цепного мучения когда желание становится прибором и «секс» как «приходится» как «свержение» как жидкая поверхность власти

наказание за прошлое поднятое медицинской картой расставание от разочарований в поле чужого диагноза и любовь как отсутствие признания в апатии сердечного капитала аппарата вращения крови внутри вены из которой каждый понедельник ты лакаешь от голода собственную кровь

наказание за ритмичные опечатки в смс когда боковым зрением вторжение в сирию становится вторжением в бельгию становится вторжением в белое пространство потустороннего путешествия к старому

дому твоего прошлого внутри которого <...> — наказание за невозможность рассказать эту историю

за факты прошлого которые будут определять чувства будущего

наказание за незаконность рассказа этой истории

наказание за незаконность умалчивания этой истории

наказание за неэтичность рассказа об этой истории

наказание за неэтичность нужных слов в нужной последовательности

временных контактов перепаянных схем и признание как натужный подвиг под действием паяльной лампы

наказание и судебный приговор за желание покончить со всеми процессами телесной памяти и невозможность даже приступить к процессу сжегивания правды из одного тела в другое путем орального контакта первой степени и наказание за право на апатию

за то что прилюдно вытираю тебе запотевшие очки

и это могут увидеть дети

за любое из прав кроме нарушенного астматичного дыхания

кроме мучения

кроме продолжения сумерек и если нет сил еще больше колес чтобы

снова терпеть сумерки

никаких других прав у тела распадающегося на налоги.

Источник: *Данишевский И. Маннелиг в цепях.* — СПб.: Порядок слов, 2018.

НАДЯ ДЕЛАЛАНД

* * *

Ребенок с возрастом перестает нудить,
требовать, чтобы ему уступили место в маршрутке,
понимает, что мамы нету, что он один,
что она умерла, что какие шутки.
Вот он едет растерянный и седой,
в старом тертом пальто, с незастегнутой сумкой,
совершенно такой же уже, как до
обретения им рассудка.

Ссылка на текст: <http://www.kreschatik.kiev.ua/82/20.htm>

АЛЕКСАНДР ДЕЛЬФИНОВ

* * *

Мы стояли за «стекляшкой» —
Магазином на углу,
Ты сказала: «В общем, дальше
Я с тобою не могу».

Было жарко, было душно,
Уши резал странный звук.
Я спросил: «Но почему же
Дальше мы не можем вдруг?».

Мы стояли возле школы,
Там была в заборе щель.
Ты ответила: «Ну, Кольку
Полюбила я теперь».

«Жигулёнок» милицейский
Мимо полз, как жёлтый жук.
Хочешь, плачь, а хочешь,
смейся,
Я за временем слежу!

Время пью и время ем я!
Время извергаю вновь!
Вижу, как вырастает в землю
Подростковая любовь.

Странный звук затих. Я понял
(Пахло сыростью с земли):
Это молоток отбойный
Вспарывал асфальт вдали.

За «стекляшку» солнце село,
Свой пройдя небесный путь.

Сквозь твою футболку белую
Чуть просвечивала грудь.

Мы с тобой расстались, только
Мы остались где-то там.
Хохоча, счастливый Колька
Из-за школы машет нам.

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/alexander.delphinov/posts/2250123201669131>

ЕГАНА ДЖАББАРОВА

Небесное

I

Исмаил пасет коров на луне
поднимает голову и видит орлов
(это Микаил на своем языке
посылает ему слова с желтых берегов)
хрупкие юноши прячутся за тело скалы
по красной земле гурии бредут босиком
волосы их как узоры хны
поверх отвердевших сосков
Салсаил верхом на солнечной лошади
сгоняет стервятников с берегов —
к женской пустой утробе
к началу реки.

II

аль-укуль-ул-ашара

первый ангел сдувает слово рождается второй
озирается видит небо под стопой
обнимает прародителя открывает рот
изо рта льется вода твердеет: кора
на коре стоит третий открывает рот
из его рта вылетает птица на ее зов
слетается четвертый и закрывает глаза
из глаз его катится полуночная слеза
плавится белым оловом становится землей
на земле стоит пятый ангел
слово его огонь
из огня рождается дым
плавится а за ним
ангел шестой седьмой восьмой

девятый над головой
видит как десятый ангел
стоит над тишиной
разевает скрипучий рот и произносит МИР
больше девять ангелов не открывают рта
девять небес разваливаются прячутся от стыда.

Источник: Джаббарова Е. // Антология «Современная уральская поэзия». — Челябинск: Изд-во Марины Волковой, 2018.

ОЛЕГ ДОЗМОРОВ

На смерть бегемота Алмаза в свердловском зоопарке в 2012 году

Умер бегемот Алмаз
в городе у нас.
Сразу сделалось печально,
потекло из глаз.

Он почти что мой ровесник,
умер в 37,
умер, словно буревестник,
старенький совсем.

Бегемота помню с детства,
он лежал в грязи, как тесто,
ел, болел, икал.
Убирали кал

и кормили не капустой —
жесткой и невкусной
елкой прямо из ведра.
Жизнь страшна, тверда.

Жизнь, как у гиппопотама,
одинокчество и травма
каждого здесь ждет.
Человек — урод.

Будешь жить в зловонной яме,
пусть ты хоть из библии,
африканскими очами
умолять о гибели.

Ну-ка, песенку сложу
с рифмами неточными,

зря я, что ли, тут служу
стихуполномоченным.

Песенка:
«Мама, я хочу работать
в нашем зоопарке
и большого бегемота
поливать из шланга,

и кормить его морковью
сладкой и оранжевой,
и дарить его любовью
и облагораживать.

Мы стояли на краю,
глядели внимательно.
Все животные в раю
будут обязательно».

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/oleg.dozmorov/posts/1926174964073116>

АННА ДОЛГАРЕВА

* * *

Бог говорит Гагарину: Юра, теперь ты в курсе:
нет никакого разложения с гнилостным вкусом,
нет внутри человека угасания никакого,
а только мороженое на площади на руках у папы,
запах травы да горячей железной подковы,
березовые сережки, еловые лапы,
только вот это мы носим в себе, Юра,
видишь, я по небу рассыпал красные звезды,
швырнул на небо от Калининграда и до Амура,
исключительно для радости, Юра,
ты же всегда понимал, как все это просто.
Мы с тобой, Юра, потому-то здесь и болтаем
о том, что спрятано у человека внутри.
Никакого секрета у этого, никаких подковерных тайн,
прямо как вернешься — так всем сразу и говори,
что не смерть, а яблонев цвет у человека в дыхании,
что человек — это дух небесный, а не шакалий,
так им и рассказывай, Юра, а про меня не надо.
И еще, когда будешь падать —
не бойся падать.

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/alonsokexano/posts/10211640622479265>

ИРИНА ЕВСА

* * *

Всем человеческим адовым колхозом
с конвоем по краям
мы надоели бабочкам, стрекозам,
цикадам, муравьям.

Зачем — поймав репейницу за чаем
и восклицая: ах! —
под лупой изучаем, назначаем
быть пленницей в стихах?

Почто хозяин соточки равнинной
настолько офигел,
что в ярости разрушил муравьиный
безвинный Карфаген?

Весь мир, который мы не приручили,
творящий свой намаз,
давно (и, видит Бог, не без причины),
боясь, не любит нас,

громоздких, жадных, топчущих секреты
стрекошущей травы.
И вас, прекраснотушные поэты,
не любит он, увы.

В размеренную летнюю эклогу
влекущим каждый чих,
вольно вам, заступив жуку дорогу,
спросить его: ты чьих?

А вдруг он тотчас — душу наизнанку?
Хотя б один из ста?
Но жук рывком уходит в несознанку
зеленого куста.

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/irina.evsa1/posts/2167463416657817>

АНДРЕЙ ЕГОРОВ

Теплые цвета

I

за месяц у арестантов
живущих в одной камере
синхронизируется цикл
вращения чётков

апельсин пахнет солнцем
неудержимым смехом
тяжёлым от бега дыханием
отбитым воланом
чем угодно только не апельсином
запах апельсинов запрещён
правилами внутреннего распорядка

движения арестанта медлительны
как у хирурга
проводящего операцию
на открытом сердце
собственной дочери
под водой
со связанными руками
бритвенным лезвием

сон арестанта чуток
крепок
чуток
а потом так крепок
что утренняя проверка
кажется продолжением
очередного кошмара

память арестанта
вывернута наизнанку

повёрнута в будущее
где огненными письменами
горят первые слова
начертанные Последним Пророком

*кушот
ниумереть
напесат книшку*

II

третий час бодрствования
с сомкнутыми веками:
сон арестанта медлителен
как и всё остальное

так кровь
из неторопливо вскрытой
запястной артерии
медленно пропитывала
худой матрас

собиралась в капли
задумчиво рисовала горошины
на лице арестанта
ярусом ниже

пока тонкий
пульсирующий фонтанчик
наконец не иссяк
слишком рано

*криворукий
даже сдохнуть не можешь
лениво злится арестант*

потирает пульсирующий рубец
скрючившись на слишком
короткой
узкой
жёсткой
(тут ничего не делают наполовину)
койке

переворачивается на другой бок
трёт лоб
отгоняет мысли
свободного человека
слишком чистые
чтобы думать их здесь

раздражённо думает о мальчике
который выжил
когда сама жизнь отеклась от своих детей
и о том
что персонажа будут путать с автором
как бы ни был последний

достоверно мёртв
глубоко закопан
накрепко забыт

Ссылка на текст: [https://www.facebook.com/notes/андрей-егоров/
теплые-цвета /10210067567604458/](https://www.facebook.com/notes/андрей-егоров/теплые-цвета /10210067567604458/)

ВСЕВОЛОД ЕМЕЛИН

Иван Ржаное Зерно

Велел угрюмый тиран
Что быть его не должно
Должен сгинуть Иван,
Иван Ржаное Зерно.

Маргиналов лекарство
Причина бед и несчастий
Препятствующий начальству
В осуществлении власти.

Народам северных стран
Где зимой с полудня темно
В утешение послан Иван
Иван Ржаное Зерно.

Для смягчения боли
Среди скудной природы
Весь из мороза и воли
Воли в смысле свободы.

Здесь доживает до лета
Только самый проворный
Он не имеет цвета
Он не имеет формы.

Он храбрым делает труса
Вялого делает бойким
Он не имеет вкуса
Кроме горечи горькой.

Он срывает стоп-кран
Утягивает на дно
Мой товарищ Иван
Иван Ржаное Зерно.

И когда б-я часть суши
Покрывается мерзлым настом
Начинается бой за души
Между ним и кесаря царством.

Его выгоняют в двери
Он влезает в окно
Враг суровых империй
Иван Ржаное Зерно.

Иван кудесник и маг
Защитник убогих и сирых
Государственный враг
В боях с окружающим миром

Оставит без сил и денег
Но им он меня не выдаст
От психических эпидемий
Ставит он антивирус.

Не мучайся капитан
Не найдешь все равно
Спрячет меня Иван
Иван Ржаное Зерно.

Ты за мною придешь
А я уже хорош
Какой тут может быть ЗОЖ
Глядя на этих рожь?

Над крышей висит закат
Уцепившись за край
Я лучше пойду в ад
Чем вместе с ними в рай.

Шумит за окном парад
Ревут за окном метели.
Иногда лучше полный распад
Чем участие в общем деле.

Лучше уж быть калекой
Чем с ними заодно
Друг маленького человека
Иван Ржаное Зерно.

Согреет среди зимы
Но навек обожжет
От сумы и тюрьмы
Он не уберезет.

Но только крепче ладонь
Обнимает стакан
Где плещет жидкий огонь
Ржаное Зерно Иван.

В отличии от законодательства
Предлагает выбор реальный он
Массовое помешательство
Или индивидуальное.

Тело и разум не в счет
Им пропадать все равно
Но душу мою спасет
Иван Ржаное Зерно.

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/snarkf/posts/2275791552491457>

МИХАИЛ ЕРЁМИН

* * *

Неколебимо, как Россия.

А. С. Пушкин

И дельта вроде как не дельта
(Со сведущими спорить толку нет.),
И под гранитной, мраморной, кирпичной кладкой,
И под брусчатым, и асфальтовым застилом,
По сути, топь и хлябь. Чему обязан град,
Твердостояньем (Сгон, нагон ли вод ли, зол.)
Расчёту корабелов? Риску зодчих?
Что было ведомо поэту?

Источник: Санкт-Петербург Светозара Острова и Михаила Ерёмина. — СПб, 2018.

МАКСИМ ЖЕГАЛИН

* * *

Из всех предложенных я выберу одну.
Не ту — кровавую, старушечью — не ту.
Не долгую, а лучше — на ходу.
Упал на снег, рассыпался в звезду.
Но если б можно было выбирать.

А дальше так: обычный русский лес.
Ой, мамочки, как я сюда залез.
Какие сосны, прадед вырос дубом,
А дед — орешником, я этот лес
Целую в листья, корешки и губы.
Здесь можно много: я могу летать.

Но как ужасно ожиданье мертвых:
Они скучают в тёмной древесине
И тянут ветки к тем, кто ходит
В лесу живых, качается, потеет.
Вот если бы у смерти было тело,
Оно бы не могло качаться и потеть.

А я могу краснеть и зацветать.
Наверное, мне вырастать рябиной.
Но лучше волком, а не деревом лежать —
Искать своих, кусать живых, любимых.
Я не умею выбирать.
Я не имею права выбирать.
Но если б было можно.

Ссылка на текст: https://www.facebook.com/story.php?story_fbid=2012580388818047&id=100001983178996

СЕРГЕЙ ЗАВЬЯЛОВ

Колхозница-Мордовка Поет Песню О Сталине

*С. С. Прокофьев, ор. 85, часть 2.
Ф. И. Беззубова, мордовской сказительница-орденоносец.
Од пиньгень морот.
Мордовской государственной издательствась.
Саранск, 1950. С. 5–7.*

1

Мои слезы текут по лицу
собираются на подбородке
делают мокрой одежду на коленях

Раз за разом возвращаясь в голодный дом
к опустевшей люльке
к погасшей печке

Я билась в ознобе
что-то кричала
кому-то молилась

Сегодня я плачу от радости:
Ты покарал их тех
кого я умоляла на коленях

ОЙ, КАК МНОГО, МНОГО СВЕТА РАЗЛИЛОСЬ ВОКРУГ!
ОЙ, КАК ПЕСТРЫМИ ЦВЕТАМИ РАСЦВЕТАЕТ ЛУГ!
ИЛИ ВПРЯМЬ НЕ МЕРКНЕТ СОЛНЦЕ В ТЕМНОТЕ НОЧНОЙ?
ИЛИ ВПРЯМЬ НЕ СТЫНЕТ СОЛНЦЕ БЕЛОЮ ЗИМОЙ?
ЭТО СВЕТИТ НАШЕ СОЛНЦЕ — СТАЛИН НАШ РОДНОЙ.

Царской ды фашистской охрэнкатынь агентне,
шпионтне, вредительтне, предательтне, бандитне
аштить подсудимоеень скамейка лангсо.

2

Я знаю
как может дрожать женское тело
как может быть страшен женский голос

Иногда мне кажется
что от него мои дети
шевелиются в своих могилах

становятся рыхлыми
и ходят ходуном бугорки
кладбищенской земли

Сегодня я дрожу от радости
Ты уничтожил их тех
кого я просила в слезах

МНОГО, МНОГО В ЯРКОМ СОЛНЦЕ СВЕТА И ТЕПЛА!
НО КОГДА ЛЕСНОЙ ТРОПИНКОЙ К НАМ ПРИДЕТ ЗИМА,
И ЗАСТЫНЕТ НА ОЗЕРАХ СВЕТЛАЯ ВОДА,
И ОСТУДЯТ СОЛНЦЕ В НЕБЕ ЗЛЫЕ ХОЛОДА, —
ИМЯ СТАЛИНА РОДНОГО ГРЕЕТ НАС ВСЕГДА.

**Ленинэнь — Сталинэнь партиясь, советской властерь
сумели обезвредить советской народонь врагтнэнь.**

3

Когда я сидела рядом
с их лежавшими на лавке
похолодевшими телами

Когда старый фельдшер
всё тер очки
и тряс баночку с застывшими чернилами

Когда я относила в школу
оставшиеся учебники
и неисписанные тетрадки

Я всё думала
узнаешь ли Ты когда
о мордовском горе?

ОЙ, НАСТУПИТ ДЕНЬ ОСЕННИЙ, САМЫЙ СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ,
МУЖ МНЕ СКАЖЕТ: «НА ДОРОГУ ЛУЧШЕЕ НАДЕНЬ,
МЫ С ТОБОЙ ПОЕДЕМ ВМЕСТЕ ПОЛЕМ ЗОЛОТЫМ,
РАПОРТ СТАЛИНУ РОДНОМУ ВМЕСТЕ ОТДАДИМ».

**Вай, покш пасиба Сталин ялгантень,
пасиба тейть, родной тетя.**

4

Так пусть же пули
разорвут их тела
на кровавые куски

Пусть как чучела на ветру
они качаются на виселицах
пока их не склюют птицы

Пусть осквернят их жен
пусть утопят в проруби
их стариков и детей

Это они загрызли моих птенчиков
это они терзали и терзали их пока
Ты не свернул их кровавые пасти

Я ПОЮ, КАЧАЯ СЫНА НА СВОИХ РУКАХ:
— ТЫ РАСТИ, КАК КОЛОСОЧЕК, В СИНИХ ВАСИЛЬКАХ,
СТАЛИН БУДЕТ ПЕРВЫМ СЛОВОМ НА ТВОИХ ГУБАХ!
ТЫ ПОЙМЕШЬ, ОТКУДА ЛЬЕТСЯ ЭТОТ ЯРКИЙ СВЕТ,
ТЫ В ТЕТРАДКЕ НАРИСУЕШЬ СТАЛИНСКИЙ ПОРТРЕТ.

**Робочейтне, колхозниктне,
миллионт советской граждантне
требуют леднемс родинань подлой изменниктнэнь.**

5

Я уже старая мордовка
я уже больше никогда не пушусь в пляс
я уже больше никогда не рожу

Я буду до смерти работать в колхозе
я буду до смерти плакать на чужих похоронах
я буду до смерти ходить на кладбище

И я буду петь песни о Тебе
потому что Ты сделал меня счастливой
потому что Ты меня утешил

потому что Ты истребил злодеев
потому что Ты обласкал вдов и сирот
на мордовской земле

на советской земле

ОЙ, БЕЛА В САДОЧКАХ ВИШНЯ, КАК ТУМАН, БЕЛА!
ЖИЗНЬ МОЯ ВЕСЕННЕЙ ВИШНЕЙ НЫНЧЕ РАСЦВЕЛА!
И ГОРИТ-ИГРАЕТ СОЛНЦЕ В СЕЛЕНАХ КАПЛЯХ РОС.
ЭТОТ СЕЛЕН, ТЕПЛО И СОЛНЦЕ СТАЛИН НАМ ПРИНЕС.
ТЫ ПОЙМЕШЬ, МОЙ НЕНАГЛЯДНЫЙ, ЧТО ЕГО ТЕПЛО
ЧЕРЕЗ БОРЫ, ЧЕРЕЗ ГОРЫ ДО ТЕБЯ ДОШЛО.

Шумбра улезэ
Великой Октябрьской социалистической революциясь.
Шумбра улезэ
Советской народось — коммунизмань строицясь!
Шумбра улезэ
Большевиктнэнь родной коммунистической партиясь!
Шумбра улезэ
Народтнэнь ине вождесь СТАЛИН ялгась!
Ура СТАЛИН ялгантьень!
СТАЛИН ялгантьень слава!

Источник: *Завьялов С.* Стихотворения и поэмы 1993—2017. — М.: НЛО, 2018.

ДМИТРИЙ ЗЕРНОВ

* * *

Мы практикуем неумелый секс,
Пригодный разве только к размноженью.
Раз в месяц, дань отдав предохраненью,
Мы отдаёмся тихому кряхтенью
И практикуем неумелый секс.

Мы любим и лелеем наш рефлекс.
Нам очень с ним комфортно и удобно.
Нам с ним тепло, темно, внутриутробно.
Всё, что снаружи, — злобно и загробно.
Мы никому не отдадим рефлекс.

Нам сладок и приятен сам процесс
Существования. Всё остальное
Излишне шумное, заведомо цветное,

Чрезмерно выпуклое, слишком шебутное,
Колючее, большое, неродное.
Но нам не выбирать, куда упасть.

Мы разеваем маленькую пасть.
Что, вероятно, тоже рефлекторно.
Нам страшно, одиноко, безнадзорно.
И хвостик наш не крутится задорно,
Когда, зевая, покидаем пасть.

Мы выбираем миленькую власть.
Такую миленькую, просто загляденье,
Такую гладенькую, просто умиленье,
Не часто, раз примерно в поколенье,
Мы выбираем миленькую власть.

Ссылка на текст: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2018-36/zernov>

СЕРГЕЙ ЗОЛОТАРЁВ

Домоводство

Наш дом находился вдали от главных
дорог и вблизи одной,
где ход совершался посредством плавных
движений коры земной.

А море лежало в пяти минутах,
и к дому вели следы
путем наложения новых гнутых
подков приливной воды.

Анютины книги, мои ракетки
служили основой стен,
а впрочем, и в роли москитной сетки
и спутниковых антенн.

Я в кресле-качалке в ветвях ротанга
сидел на веранде, стол
усыпавшей сливой, зашедшей с фланга
и взявшей июль в котел.

В котле между тем клокотало солнце
похлебкой из овощей,
пока из прослойки культурной социум
вываривал суть вещей.

Земля под ногами была ничейной,
недвижимость обросла
полезными связями — с назначением
подвоя на роль посла.

И после обеда, читая каждый
свое, выпивая тень

цветочных горшков корневою жаждой,
мы долго листали день.

За эти часы проведя бок о бок
друг с другом немало лет,
мы поняли только, насколько робок
в постели шотландский плед.

Земля окружила себя морями,
чтоб посуху не ушли
без посоха оси ее миряне,
чтоб ночью подтягивали баграми
к скоплениям край земли.

А нас сохранила в пространстве — корнем
всех бед, удали вершок
которого — где-нибудь в мире горнем
случится культурный шок.

Прошедший всю школу от садовода-
любителя до спеца,
я мог размотать дождевую воду
в начало ее — с конца.

И что заставляло так прыгать капли
лягушками на капот,
поздней открывалось нам в клюве цапли,
«Массандры» набравшей в рот.

Но сколько бы ни хлебнули горя
губами своих сестер,
она приносила мне рыбу с моря,
а я разводил костер.

Ловил ее руку и, сжав запястье,
в ладонь насыпал ручей
подсолнуха, чтобы жила во власти
деталей и мелочей.

И знаешь, когда б она ни прижалась
ко мне без меня при всех,
надеюсь, что это не будет жалость —
единственный смертный грех.

Ссылка на текст: <https://magazines.gorky.media/arion/2018/1/202919.html>

СЕРГЕЙ ИВКИН

* * *

Плывите!
И ваши каюты
украсят верблюды
и голуби.
Идите
по звёздному атласу —
аверсу
глобуса —

от Яффы,
где улицы метят
глазурью
и ляписом,
до Гипербореи,
где вешают
головы
люпусов.

Чем дальше
от дома —
сильнее планета
вращается.
Чем дольше в пути,
тем надёжнее
плечи
попутчика.

Когда капитан
плоть и кровь
раздаёт
на причастие,
всё лучшее —
там,

так зачем вам
надежда на лучшее?

Плывите!
Отныне вы
в зеркале моря —
небесное воинство
и ваши затылки
наполнены
ветром
и правдою:

военный устав
и благая
пиратская
вольница,
вселенская скорбь
и конкретная
песня
для радости.

Семь футов
под киль —
и пускай сушеходы
завидуют,
что парус над вами
белей,
чем невеста
на выданье,

что сохнет на шкотах
закат
и созвездия
бусами
ложатся на воду
окладом
следам
иисусовым.

Ссылка на текст: <http://www.detira.ru/архив/publication.php?id=23077>

АЛЕКСАНДР КАБАНОВ

* * *

Бог еще не прикрыл этот грязный, гнилой бардак
и устроить всемирный потоп еще не готов,
потому что люди исправно выгуливают собак,
потому что люди послушно прикармливают котов.

И пускай они убивают других людей и богов,
пишут жуткие книги, марают свои холсты,
не хватает крепкой руки и просоленных батогов:
человечество — это прислуга для красоты.

Мы живем для того, чтоб коровам крутить хвосты,
добывая роуминг, пестуя закрома,
подражаем птицам, рожаем в горах цветы,
красота такая, что можно сойти с ума.

Обхватив колени, сидишь на исходе дней,
и глаза твои, запотевшие от вина —
видят бледных всадников, всех четырех коней,
а за ними — волны и новые племена.

Ссылка на текст: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_4/Content/Publication6_6883/Default.aspx

ЯН КАПЛИНСКИЙ

*

Иногда во мне, как должно быть, и в многих из нас
пробуждается поэт, странное существо, мыслящий в стихах,
видящий образы вместо вещей и людей,
и мы с ним долго сидим на берегу моря-океана,
глядя на заходящее солнце, замечая вдруг один-единственный
белый камешек среди миллионов черных,
и моему взору и последним солнечным лучам
жаль покинуть его, оставить его на пустом галечном берегу.
Ветер помаленьку затихает, а мы все сидим
там, у моря, не зная, вернуться ли сюда утром до отъезда,
или взять с собой камешек, который еще еле-еле виден
в надвигающейся южной темноте.

Источник: *Каплинский Я.* Наши тени так длинны. — М.: Новое литературное обозрение, 2018.

КАТЯ КАПОВИЧ

Библиотека

В комнату темную, пыльную, дольную,
в тайную библиотеку подпольную
тайно возьмет дуропляску с собой
женщина в тихо шуршащей болонии
школьных каникул весенней порой.

Мы в знаменателе мира, в обители,
в воли-неволи земном ускорителе,
скажет, как будто отрубит с плеча.
И побреду я в пылающем свитере,
Дант малолетний, шаги волоча.

И мы пройдем переходами темными
между знакомыми и незаконными,
между колоннами, тьмой монограмм,
где они с сорванными погонями
тянутся, движутся по номерам.

Где они с сорванными обложками
без офицерских своих эполет,
списки черны и фамилии нет,
кружат над ними чекистские коршуны.
Вас за какой, извиняюсь, сюжет?

Нас — за сюжет черноты и зияния,
за раздувание адской печи,
за Аонид ледяные рыдания,
арфы Эоловой переливание
и от веселого рая ключи.

Буквенной вязью, что золотом пишется,
розой, обвившей пылающий крест,
побеждены немота и бессмыслица,

движется ижица, мчится кириллица,
Лондон иль стылый парижский подъезд.

В библиотеке с сырой штукатуркою
на восемнадцатом жизни году
заворижи меня, музыка гулкая,
в воду макай, опускай в темноту,
не обещай ничего за разлукою,
и я как миленькая пойду.

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=10158066490619778&set=a.10152322985664778&type=3&theater>

ИГОРЬ КАРАУЛОВ

* * *

Рыбалка, в сущности, основана на гнусном
обмане рыб.
Примерно то же мы зовём искусством.
Глаза раскрыв,
мы видим, как посвёркивают блёсны,
мерцают червячки.
А наверху плюются через дёсны
смурные мужики.
Мы рвёмся из юдоли водных лилий
туда, на свет.
Но розовый японский карп Василий
туда не хочет, нет.
Он видел всё: и пиво, и ведёрко,
и мусорный прибой.
Он улыбается всезнающе и горько
разорванной губой.
Об этом он рассказывал немного,
сошел за чудака:
как задрожало вдруг лицо живого бога,
и он слетел с крючка.

Источник: *Караулов И. Ау-Ау*. — М.: Воймега, 2018.

АЛЁНА КАРИМОВА

Верись, не верись — не моя забота, послушай сказку, если охота

(по мотивам татарского фольклора)

Верись или не верись — то не моя забота;
сказочку я расскажу — слушай, если охота...

Как-то иду, гуляю, куда глаза не глядят,
вижу — варёные курицы парочкой в небе летят.
Спинки к земле, кверху брюшки —
летят довольные курицы-подружки.

Верись ты, или не верись — то не моя забота,
а слушай сказочку дальше — конечно, если охота...

В речке плавали мельничные жернова,
синее моря стала трава,
озеро замёрзло летом, а притом
лягушки квакали себе подо льдом.

Верить, не верить — дело не в том,
слушай же, что там было потом...

Однажды пошли три брата в лес зайца ловить.
Один немой,
другой слепой,
третий безрукий — как им быть?
Очень просто — слепой увидал,
немой закричал, безрукий поймал.
Так что они, как обычно,
домой вернулись с добычей.

Верить, не верить — твоя забота,
слушай дальше, если охота...

Лодку построить народ собрался,
чтоб на вершину горы забраться.
Построили, влезли — всё бесполезно.
Лодка прохудилась, и весь аул
в этой лодке и потонул.

А в нашем ауле совсем не так —
пчёлы летают размером с кулак!
Сказки рассказывать я мастак.
Веришь мне — тебя похваляю,
а нет — свои сказки в печи спалю...

Сколько лет на печи лежу,
всё, как видел, так и расскажу —

яйца снесли шесть гусаков,
враз отелились семеро быков,
рыба из речки на Каспий улетела —
а пусть летит, какое тебе дело?!

Одна молодуха всем на страх
детей родила о трёх головах.
Было детей тридцать восемь,
всех родила за одну осень.

Верить, не верить — тебе решать,
что же ещё тебе рассказать?..

Взяли как-то два чудака
озеро за голубые бока,
вытянули из берегов
и в небе повесили меж облаков.
Потом сухие дрова нашли
и снизу костер большой разожгли.
Это доброе было дело —
два месяца вода в озере кипела,
много рыбы в озере водилось —
много вкусной ухи сварилось.
Всё это было в голодный год —
очень радовался народ.

Верь, если веришь своим глазам, —
народ придумал, а я рассказал...

Ссылка на текст: <http://novigilgamesh.org/alyona-karimova-kazan>

СВЕТЛАНА КЕКОВА

* * *

памяти Г. Мейера

В старом бараке, где твой появляется враг,
вещи живут, погружённые в холод и мрак:
вилки, ножи, золотые часы на руке,
ворох одежды в огромном, как мир, сундуке,
кольца, браслеты...
Забытый за давностью лет,
чей-то знакомый, костями гремящий скелет.

В доме напротив, где твой появляется друг,
вещи встают в хоровод, в заколдованный круг.
Что-то бормочет кофейник на старой плите,
булькает чайник:
«Мы стали с тобою не те,
нос мой облуплен, твоя потускнела эмаль...
Жизни не жаль. Но вернём ли её мы? Едва ль.

Мы постарели и в ту же попали графу,
что и скелет, в коридорном стоящий шкафу.
Там он стоит и костями тихонько гремит —
мы ж исчезаем. Мы свой исчерпали лимит».

Друг мой и враг мой! Как вещи знакомые, мы
тоже пронизаны духами света и тьмы:
в розе засохшей и в веточке вербы живой,
в старом погосте, заросшем зелёной травой,
в глине смиренной, где спрятан бунтующий прах,
в лжи откровенной и в правде, скрывающей страх, —
в каждом предмете и в каждом событии есть
весть о спасении или о гибели весть.

А для того чтоб явиться на праведный Суд,
кости сухие не слово, а плоть обретут.

Ссылка на текст: <https://magazines.gorky.media/znamia/2018/6/tihaya-zhizn.html>

БАХЫТ КЕНЖЕЕВ

Элегия первая

Веришь ли, снова сквозь полупрозрачные облака
рассиялось бельмо луны ртутным светом, Господне око.
Жизнь ли сужается, как замерзающая река,
и становится твердью заснеженной, одинокой?

Или же кругозор налима, по глупости вмёрзшего в лёд,
сжимается? Или ревниво рыбак проверяет снасти
для подлёдного лова? На автопилоте крейсирует ночной самолёт.
В старости, говорят, утихают страсти:

лакомишься карамазовским коньячком со льдом,
переживаешь, что нет писем от взрослого сына.
Прибывает житейская мудрость, обустроивается дом,
подрастает высаженная осина.

Помнишь, был такой пожилой персонаж из отдалённой земли
Уц? Неудачник, зато непременный участник очных
ставок с Богом. Выздоровел от проказы. Перестал валяться в пыли.
Обзавёлся новой семьёй и т. д. — смотри известный первоисточник.

Источник: *Кенжеев Б. Элегии и другие стихотворения.* — М.: Воймега, 2018.

ВСЕВОЛОД КОНСТАНТИНОВ

* * *

Ты возникала всполохом, кустом
и, обжигая, исчезала снова.
И оставляла в воздухе пустом
«спаси меня» — два оголённых слова.

Отшатывался я, но после вслед
тебе шагал, хоть знал: не обнаружу
ни пламени, что жгло тебя, ни бед,
что это пламя вызвали наружу.

Уютный дом, ребёнок по столу
машину катит, приближаясь к краю.
И вот тебе, свернувшей в углу,
«ты выдумала всё» — я повторяю.

И осекаюсь, понимая, что
ты выдумала всё тем давним летом:
себя, меня, ребенка, даже то,
что я когда-нибудь признаюсь в этом.

Ссылка на текст: <http://znamlit.ru/publication.php?id=7075>

ВЛАДИМИР КОРКУНОВ

*

читал хронику перемещений одежды н.ч.
хронику перемещения тела в оболочки для тел
хронику ласк хлопковых пальцев и льняных губ

вещь надетая на человека
делает его вещью
[г. б. говорит, что это вещь оживает, может и так,
но тогда это всего лишь трансплантируемый орган]
вещь которую носил другой
делает его твоим любовником
[дажееслионужемёртв]

около полугода носил перчатки м.
она погибла затёртая между машиной и трамваем
ты раздавала её вещи
трахая каждого кто был в неё одет

вещь как парализованный родственник
ты можешь без него
а он без тебя нет
и после смерти
хранишь
урну с прахом одежды

тело без органов попав в секонд-хенд
становится коллективным телом

[так вот почему *от а. иногда шёл запах довольно извращённого бл.дства*]

хроника перемещений меня под одеждой
ещё не закончена
ксерокопия целующейся под окном пары

как в кино про влюблённых девочек
[lost and delirious, 2001]
как
мне сейчас нужна твоя куртка
твоя кожа которая спадает в ладонь

Ссылка на текст: <https://litcentr.in.ua/publ/279-1-0-17540>

АНДРЕЙ КОРОВИН

* * *

я достаю свои брокгаузы и ефроны
за томом том идут на фронт эшелоны
глубоко эшелонированная оборона библиотек
Пушкин лучший стратег

в моих библиотеках под командованием юнкера Пушкина
книги добра продолжают сражение со злодеями прошлого
антигерои истории собирают свои войска
буквы свистят у виска

белые корешки за наших красные за чужих
стоны на правом фланге капитана Де Сада
кружится юнкер Пушкин рубится как мужик
это на левом фланге ждала засада

мир невозможен завтра была тоска
завтра была война полные книги крови
миленький юнкер Пушкин не отводи войска
всюду они они надо быть наготове

Источник: *Коровин А.* Кымбер бымбер: стихи и истории. — М.: ArsisBooks, 2018.

ЕЛЕНА КОСТЫЛЕВА

*

Во время оргазма француженка думает: любит-не любит.

Советская женщина рассматривает потолок.

Во время оргазма англичанка думает: женится-не женится.

Советская женщина: надо бы его побелить, обелить как-то его, а то вон пошла трещина.

Во время оргазма советская женщина свободно ассоциирует.

После оргазма советская француженка коллапсирует в англичанку, в волка.

Она не только думает, но и говорит: я тебя *последлюблю*.

Советская женщина представляет себе, как щель заполняет бетон новой советской жизни: плотно, до самого дна, *вплотную*.

Советская женщина думает «о другом» — (думать в значении «думать») — о самом маленьком из людей, о невозвращении Одинакового;

когда-то *ее* уже *были* в этой постели, но так — никогда.

Ведь это *ее* постель — вспоминает она, — *ее* потолок, *ее* трещина, *ее* бетон, *ее* волк.

Может ли волк быть *ее* — неотчужденный труд в значении «трудный». Всего не расскажешь, всего не выявишь.

«Всех не вы.бешь», — думает советская женщина меланхолически, подозревая, в то же самое время, в этой идее нечто капиталистическое — некую жадность вкупе с невротическим, эдипальным ограничением, кастрирующим ее.

Мысли летят к потолку в «плато оргазма» (плата оргазма).

Советская женщина инсталлирует антисексус,

оргон

у себя в коммунальной ванной,

забывая вопрос.

Во время оргазма никто ни о чем не думает целую миллисекунду (или чуть меньше) — если брать чистый субстрат его, чистое вещество

Мультиплицировать эту секунду, наслоить, смикшировать, расклеить по всему городу.

Революция снова здесь.

Юнкер, расстрелянный в дровяном сарае.

Мерзнущий в опере сытый Сомов.

Ссылка на текст: <https://snob.ru/entry/158271>

ИРИНА КОТОВА

любовь лицо изнанка

в первую брачную ночь прабабушка
достала из-под юбки кухонный нож
сказала:
подойдешь — убью тебя и себя

прадед был богатый рябой на голову ниже
она — бесприданница

через несколько лет в дом ворвались красные
кричали — приговорён к расстрелу
перевернули дом исподним кнаружи

её не тронули
он сидел под широкими юбками с изнанки —
между ног
восемь детей жались к юбкам с лица

лицо прабабушки было светлым
в старости

иногда я думаю — как и кого мне спасти
спрятать под юбкой
так
чтоб хватило сил
полюбить

с изнанки и лица

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/100007852242552/posts/2234791933459193>

ВЛАДИМИР КОЧНЕВ

* * *

посмотри как трогательны двое глухонемых
красноречиво беседующих на своем секретном
наречии в центре летнего парка
они не слышат шуршанья листвы
шума ветра, скрипа качелей
им недоступны шорох гальки
резкие крики
или доверчивый шепот
но взгляни как трепетны движения
пальцев, как эмоционально и нежно
они говорят
иногда нелепо касаясь друг друга
ладонями
словно два тюленя или две ласточки
облитые нежностью взаимного понимания
взаимной боли
и отчуждения
может весь слепящий сверкающий мир
им и вовсе не нужен?
и им хорошо просто видеть
друг друга
находя глубину в общем
взаимном молчании
общем секрете
слышать лучше
слышащих
говорить ясней говорящих

Источник: *Кочнев В.* // Антология «Современная уральская поэзия». Челябинск: Изд-во Марины Волковой, 2018.

ИНГА КУЗНЕЦОВА

* * *

а лаковая горечь сентябрю
как рыжий тренч как небеса в конверте
пойдет
я так спокойно говорю
что вы не верьте

когда из замысла фиалки под землей
кроты сольют сиреневую брагу
кто был никем
тот снова станет тлей
что ест бумагу

кто был бумагой тот как гутенберг
со стивом джобсом вдаль пойдет аллеей
кто был листвой
тот примет бурый снег
что ни белей не будет
ни алее

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/inga.kuznetsova.77/posts/1734935316549393>

ИЛЬЯ КУКУЛИН

* * *

Сегодня
день моего рождения

мне исполняется
сорок восемь лет

из них примерно двадцать семь
я преподаю

сначала в школе
потом в университете

за время своей работы
я видел много девочек и мальчиков
очень хороших
очень умных
очень талантливых

и я не знаю как сложилась их жизнь

я не понимаю
хотя это можно объяснить тысячью способов
и я даже вижу краешки двух-трех из этих предвидимых дискурсов
почему среди молодежи
которую я вижу на улицах
нет русских эквивалентов Нины Марии Донован

если вы не знаете
это такая студентка 19 лет из штата Теннесси
она написала стихотворение «Nasty Woman»
о гендерном и расовом неравенстве в Америке
об экономических механизмах этого неравенства
и об опасности Трампа

и это стихотворение прочитала актриса Эшли Джадд
на митинге
завершавшем марш «розовых шапочек» в Вашингтоне

я знаю что вы устали от разговоров про Трампа
особенно на русском языке
я сейчас о другом

то, как сама Нина Мария Донован читает это стихотворение
на видеозаписи в Ютьюбе

я не помню такого драйва
со времен первых выступлений Кирилла Медведева
но драйв Кирилла у меня с самого начала вызывал уважение
смешанное с осторожностью

может быть потому
что за ним я все время чувствовал хорошо простроенную позицию
романтического одиночки

и дальнейшая эволюция никак эту позицию не изменила
а только радикализовала и идеологизировала
а здесь нет
никакой идеи одинокого бунта

я постоянно жду таких стихов которые можно разделить с другими
и авторской позиции, которой можно поделиться,
как предлагают еду вечернему внезапному гостю
вот возьми:
что у тебя то и у меня

эта готовность — то небольшое чему меня научили

и по тому, как читала этот текст Нина Мария Донован
становится понятно что это стихи
не политическая речь
а расширение границ человеческого существования
и обретение новой свободы

мне очень жалко подростков
которых убили полицейские
в Псковской области
мальчик и девочка
убежали от родителей
забаррикадировались в доме
мальчик отстреливался
пока их не убили

и это, кажется, единственные люди из числа старшекласников или студентов
которые здесь получили общенациональную известность
из-за своего несогласия с системой общественных отношений

получается
что в России
единственно возможные герои среди современной молодежи
по крайней мере для людей моего поколения

это мертвые

и опять сначала
как пел Егор Летов

я не спрашиваю почему нет масла почему нет мяса
я спрашиваю
почему нет Рабиновича
в смысле
почему нет российской Нины Марии Донован

я знаю что я не зря работал все эти двадцать семь лет
но иногда
я пытаюсь понять
можно ли не теряя отчаяния
думать о дальних целях

и тогда
я стараюсь ни пугать себя ни придумывать утешительных объяснений
ни считать
что самое действенное что есть в моем мире
это убитые полицейскими дети

я не хочу закруглять эту ситуацию
и вам не советую
да и по глазам вашим вижу
вы тоже
не хотите

тогда пойдём

Ссылка на текст: <https://syg.ma/@ekaterina-zakharkiv/ilia-kukulin-nie-politichieskaia-riech>

ВИКТОР КУЛЛЭ

* * *

Мама копила пластиковые бутылки,
молочные пакеты (пригодятся на даче),
коробочки из-под лекарств, сухие обмылки,
любую порожнюю тару. А как иначе?

В этом была вековая крестьянская мудрость:
каждой шаминочке в доме найдётся место.
Так городскую квартиру заполнил мусор.
Она его охраняла: по дурости? Из протеста

против того, что старость пойдёт на свалку?
Для неё это было исполнено высшего смысла.
Полжизни ушло на нашу с ней перепалку
про ненужные вещи. Со временем я смирился.

После смерти отца, пустоту заполняя,
в дом волокла с помойки ценную рухлядь:
«Почти не надёвано, а ведь, видать, привозная...
Вот подрастут внучата...» Порядок рухнул

вместе с нехитрым уютом — и стал синдромом
Плюшкина, с поправкой на стариковскую шалость:
«Старый — что малый». Дом перестал быть домом.
Тщетно к себе выманивал — не соглашалась.

После смерти отца раз по пять и чаще
за день звонил по межгороду — ждал ответа,
чтобы услышать голосом шелестящим:
«Сынок, для меня ты — словно глоточек света».

Почитай каждый месяц садился в поезд,
понимая, что это уже ничего не изменит.
А она пыталась представить, что будет после.
Вчитывалась в Брянчанинова, в отца Александра Меня.

Мама, прости — порой не хватало терпенья.
Безумие истончает самые прочные звенья —
кроме любви. И от кого теперь я
снова услышу: «Сил тебе и разуменья»?

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=1841321776164335&set=a.1394764160820101&type=3&theater>

ДАНА КУРСКАЯ

* * *

Ни одного тревожного симптома
мой папа был мужчина в цвете сил
он пел «трава, трава, трава у дома»
и джинсы белоснежные носил

в любой машине глохнет карбюратор
и папе не допеть до февраля
земля видна в его иллюминатор
холодная и рыхлая земля

я помню, как он грузится в ракету
как все рыдают вплоть до темноты
над космодромом проплывает лето
и звездный дождь сочится на кресты

и тот, кто хит про нашу землю создал,
пускает папу в радостный полёт
и вот отец летит навстречу звездам
и песню он ту самую поёт

и видится что близко и знакомо
и слышатся любимые слова
и снится нам не рокот космодрома
не эта ледяная синева

Источник: *Курская Д.* Дача показаний. — М.: Новое время, 2018.

ЕЛЕНА ЛАПШИНА

* * *

Неужели, Господи, так и сгинем
на бескрайнем белом под синим-синим..
Запечатляясь письмом, портретом
(что на том — неведомо, пусть на этом!),
фотоснимком переживать живое,
комаром впечататься в лобовое,
слепком, следом ли на подталом,
чтобы здесь остаться хоть чем-то малым.
Ладно книгой, хотя бы культёй абзаца,
парой строк куда-нибудь да вписаться,
расшибая лоб, матеря иное,
всё ломиться в мнимое, плотяное,
пробивая бреши в небесной гжели,
вопрошая: Господи, неужели?..

Ссылка на текст: https://www.facebook.com/story.php?story_fbid=1725346057530270&id=100001646768334

ДЕНИС ЛАРИОНОВ

* * *

По разбегающемуся
полотну высоты —
сквозь тяжелеющие облака
и светосниматели,
вкопанные в городские
вершины — было
солнце полудня, покрываю-
щее вяжущей пленкой
столики пафосных мест,
на одном из них плавится
грязный осколок ледника,
несимметрично лежащий
на сырые экраны смартфонов. Из
какого палеополдня он
тает навстречу по-
дробному выцветанию
флага взаимности? Из
самого безусловного сна,
в который склоняется
пятничный вечер
устав от подробностей
резкого разговора — в том
числе, о стремительном
взрыве вчера в метро.

Ссылка на текст: <https://syg.ma/@ekaterina-zakharkiv/dienis-larionov-niektodzies-ia>

ВИКТОР ЛИСИН

*

После Освенцима
можно испытывать
оргазм можно даже
испытывать
множественный
оргазм можно
кричать и стонать
от удовольствия
можно дети мои
можно и нужно.

Главное чтобы ты
не представлял
Освенцим во
время секса
главное чтобы
ты не писал
Освенциму
в мессенджеры
не скидывал
ему свои
обнажённые
фотографии
однажды он
позвонит
ночью в
домофон
он скажет
это я и ты
не должен
открывать.

Самое ужасное то что после этого
стихотворения невозможно не

представить Освенцим и это
стихотворение написал Освенцим
Освенцим написал стихотворение
после Освенцима.

Ссылка на текст: https://www.facebook.com/story.php?story_fbid=2323231717706645&id=100000595173065

ВЛАДИМИР ЛУКИЧЁВ

* * *

Я услышал змеиный смех
в феврале две тысячи восемнадцатого
бесснежная зима
леса подтопленные ноябрём
бурая гниль мокрые мхи
серые облака положенные встык
я сказал: «скоро они опрокинут
на нас новые шествия, как уже опрокинули площадь»
я сказал
и змея рассмеялась

Ссылка на текст: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2018-37/lukichev>

КАРИНА ЛУКЬЯНОВА

* * *

Сгустки и перепады

для пешеходов,
на перекрёстке приложенных
к коже,

нечаянно встретивших на изломе
аккуратную кровь
в безупречно надорванном целлофане.

С запозданием металлической хирургии,
не сходящейся в центр ладони:

под застывающей порой протока
скульптор, теряющий нож,
ищет тепло между ним и рукой.

Но, угасая, предметы теряют тела.

Не успевает достать из кармана
сахарозаменитель
и по инерции переходит
на красный сигнал.

Плотность скрывается в полом
пространстве, где
не разрезано имя.

Не защищённым от деформаций просмотром
наплывает
ищущий выхода день.

Ссылка на текст: <http://textonly.ru/self/?issue=47&article=39061>

МАРИЯ МАЛИНОВСКАЯ

*

женщин со вспоротыми животами
сгружают в снятые кузова

все говорят
умерли раньше времени
которое из себя
вытаскивает их за ноги
и до сих пор длится

водоплавающая крыса спешит по стоку
ребристая головка мелькает над водой

хоботки желания очищают
поверхность голого тела
выброшенного разливом

на них ловят рыбу
в тех же водах

а иногда они сами вытаскивают мертвецов

молчание укореняется
крыса в трубе сосёт щёки

женщинам выскабливают животы
но не находят ни следа ребёнка
с каждой новой растёт воронка
их сообщающейся пустоты

меня нет караемое
законом признание

после этого можно не спрашивать
что мне за это будет

страшнее живорождения только
живосуществование
обнажённое
каждый миг

бессонничный тик солнца
лопнувшего в кипятке

тихое чтение по спирали

помнится никому на пустых углах
как мёртвого в жизнь собирали
как живой с той стороны оглох
и потерял осторожность

натываясь на своих детей
взрослые шарахаются
как если бы увидели свой призрак

Источник: *Малиновская М.* Неспособность к пространству // Носорог. — 2018. — № 8.

ГРИГОРИЙ МЕДВЕДЕВ

* * *

Август стоит на Яузе,
на невеликой реке.
Осень стоит на паузе
где-то невдалеке.

Перелетает капустница
реку, недолог полет.
Жарко, а сумрак опустится —
холод с низин поползет.

Но никогда не смеркнется,
птичий не смолкнет хор
для мимолетной смертницы,
хрупких ее сестер.

Не для таких — гололедица,
стужа, поля в снегу.
Вряд ли нам выпадет встретиться
там, на другом берегу.

Лето уходит нехотя
вниз по теченью, на юг.
Где же капустница? — Нетути.
И пустовато вокруг.

Ссылка на текст: <http://soyuzpisateley.ru/publication.php?id=1067>

КИРИЛЛ МЕДВЕДЕВ

* * *

я скажу тебе: капитализм — свинья,
жрет своих детей — тебя и меня,
посмотри, как мы опустошены,
от собственных жизней отчуждены

ты ответишь, что тебе хорошо,
ты довольна всем и хочешь еще,
жизнь без отчуждения это ад,
только деньги людей от людей хранят

и мы пойдем друг друга как идейные враги,
пойдем друг друга как идейные враги

и я скажу — пойдем сегодня в кино,
или просто гулять пока не темно
наступили такие яркие дни,
мы свободны, любимая, мы одни

и ты скажешь мне, что все не так гладко,
где-то война, кому-то несладко,
но мы с тобой счастливы, это важно,
да? — спросишь ты. и я скажу да.

и мы убьем друг друга как единомышленники
убьем друг друга как единомышленники
порвем друг друга, мы единомышленники
единомышленники, единомышленники

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/kirill.medvedev.7/posts/1859023710851343>

ВАДИМ МЕСЯЦ

Калина красная

Когда я, мама, встану из могилы,
живой и нежный, будто перед свадьбой,
и поутру приду к тебе на двор,
то ты меня узнаешь?

Полюбишь ли меня, как не любила,
ни мужа, ни любовника, ни брата?
Накроешь стол? Постелешь ли постель?

Я возвращу долги хорошим людям,
друзьям веселым, даже иноверцам,
и высыплю на стол шальные деньги,
что заработал в сказочной стране.

Когда ко мне вернется ловкость рук,
я украду духи из магазина,
за ломберным столом тасую карты,
за рыжий ус мошенника схвачу.

Я все равно когда-нибудь вернусь.
На кладбище ты больше не приходишь.
Моторным маслом смажь мне пистолет,
шевровые начисти сапоги.

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/vadim.mesyats/posts/2109356659091500>

ЕЛЕНА МИХАЙЛИК

* * *

В тридцать четвёртом он ещё не знал, что он парижанин,
оппозиция плюс Закавказье — достаточно гремучая смесь,
но гостья из Самарры встретила его в Андижане
(после изолятора — где же ещё, ну естественно, в Андижане)
и спросила: товарищ, а что ты делаешь здесь?

А и правда — что? Время вышло боком, хлынуло горлом,
почему не выдохнуть, не уплыть, развернув биографию вспять,
в передышку или просто в окно...
в сороковом большая история по четыре вошла в его новый город —
он взглянул на неё, опознал её прикус — и на этот раз не стал отступать.

Когда время ломит по осевой, что может сделать ненужный атом —
выиграть глоток сантиметров, пару жизней, рассыпать минут,
написать инструкцию, прикинуть маршрут, вести машину, бросить гранату,
и потом не сказать, не сказать, как его на самом деле зовут.

Лес на фотографии очерчен лиловым, присыпан белым,
призрачен, прозрачен, прекрасен в любой из дней,
не на Серпантинной, не в трюме, не от цинги,
а в редкостно хорошей компании, в хорошее время и за правое дело —
эта, из Самарры, чем-то он понравился ей.

Ссылка на текст: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2018-36/mikhailik>

СТАНИСЛАВА МОГИЛЁВА

* * *

повернуться всем телом к тебе
покрытая ржавчиной гидра зрения
не отрываясь смотреть
не отвлекаться на время и деньги
на непрерывном пороге
закинул замер подсёк

повернуться лицом к тебе
свободно растущая пряжа взгляда
трогать чудовище отражения
куклу ночной стрельбы обнимать
баюкать как приручённую
поверхность шагов

аленький, комнатный, устань, потерпи ещё
и твои камни взойдут
окажутся плодоносными

не выйти и не войти
приступы воз/вращения
в как было из как не было
и обратно вот-вот отпустит
перельётся в плечо, в тетиву
в охоту на ясную кровь жильца

Источник: *Могилёва С. Это происходит с кем-то другим.* — М.: Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2018.

ВАСИЛИЙ НАЦЕНТОВ

* * *

Семафоры. Серафимы. Одиночество в снегу.
Горький шепот шестикрылый светлым словом берегу.

В умирающих ладонях, в рыхлом воздухе видны
недоступные перроны неслучившейся страны.

Плачет женщина, — я с нею должен быть. От долгих слез
даль двоится талым стуком утекающих колес.

По высотам, по пределам, по горбатым городам
отступающее тело — наступающим снегам.

О, душа! Глаза и голос — ломким локтем — в пепел, в плен
о весне, о первом платье выше смерти и колен.

Ссылка на текст: http://moskvam.ru/publications/publication_1928.html

ЕВГЕНИЙ НИКИТИН

* * *

Пили-ели кофе, лампочка горела,
и лицо напротив моего
на себя как будто в зеркало смотрело.
Больше не случилось ничего.

Прежние повадки, те же разговоры,
дворик и веранда, стол с окном,
и сквозняк швыряет бабушкины шторы
на стакан с вином.

Я все это видел — то ли на картине,
то ли просто мелом на стене.
Угол батареи в белой паутине,
человек с собой наедине.

Ссылка на текст: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_1/Content/Publication6_6811/Default.aspx

ЛЕВ ОБОРИН

Канал Грибоедова. Большая Дмитровка

1

Мите и Даше

Поэзия как вишлист. Ветер гонит рябь
к морёной гранитной границе,
за ночь перенастроены сенсоры, и из тебя,
кто начинает строить с колонны, плохой архитектор.

Воспоминание: снег. Ветровой утюжок
избирательно предпочитал фасады;
из запёкшегося румянца выныривают мосты,
по контрасту сказанное на них бессвязно.

Если заглядывать в окна, зимний фланёр
увидит, как приходят призраки в гости.
Несколько километров — дотянуться, чтоб подписать
отказ от ответственности.

Польза не та категория. Риск
шага, проблема лунного грунта —
где-то еще непарнокопытный впрыск
истории, русского бунта,

и ампирные розвальни вмёрзли в лёд,
воздух у льда становится разреженной;
возвращаясь в уме с багажом гуглá, пешеход
на любое спрашивает у себя разрешенья,

но сейчас — анонимность обтёсанных валунов
гореумных, старопроцентных, поддатых —
Где ты теперь? Я в районе сотых домов.
Позвони, как дойдёшь до десятых.

2

Теперь никому

Вот здесь РГАСПИ
где сталинская писанина спит
под караулом шифров и тесёмок

секретные дела
разложит на поверхности стола
какой-нибудь взыскательный потомок —

не я; там вековая пыль
в ней на релятивистских скоростях
летят слова, за ними штамп несётся

поставить апостиль;
в них света нет, напротив них в грустях
витрины оплавляются, а солнце

закончилось вчера,
на мокром в ухо визгнет колесо
и снег пойдёт навязывать кривые

совету федера
ций федеральнóгосо
брания российской федерации;

о где просвет, скорей,
просвет сужается, он так далёк,
как я, дурной наследник

людей,
решительно в реестре не последних,
от них, и как архивный звездолёт

от нас;
Большая
все тянет ляжку, превращаясь в наст,
смерзаясь и мерцая.

Ссылка на текст: <http://litteratura.org/poetry/2623-lev-oborin-obedinennye-nedoveriya.html>

ИРИНА ПЕРУНОВА

Фильм «АББА»

Сияния полярные. И перпендикулярно им
из кинотеатра «Родина» мы вышли вчетвером.
И на душе не очень нам,
жизнь кажется просроченной:
сажать не стоит дерево,
не стоит строить дом.

Такой фильмец, сияния,
что добрым всем влияниям
на души неокрепшие наметился конец:
Гори ты, школа средняя — и наша и соседняя —
какие школы к лешему, когда такой фильмец!

Зачем ты, наша «Родина», не глупая же вроде, но
на вражескую фильму ту
нам выдала билет?
Там пел квартет заоблачный:
О, «Money, money...» Вона что!
А здесь согласно климату такой музыки нет!

Завод есть винно-водочный, три шахты круглосуточных
и мясо-банно-прачечный-молочный комбинат.
А хочется-то — музыки...
Отечество, дай музыки!
Мы девочки, мы музы и
музык нам не хватает.

И тут врубилась музыка! Загадочная музыка,
улыбчивая музыка — сплошной парад планет.
Шары влетели в лузы и развеселились лузеры!
Сто лет как длится музыка,
но вырубился свет.

Ах, если б не сияния на грани выгорания
при переходе качества с количества на мат,
не вспоминали б девочки, что раньше были туточки
три шахты круглосуточных,
завод и комбинат.

Источник: *Перунова И.* Белый шарик. — М.: Русский Гулливер, 2018.

ЕВГЕНИЙ ПИВЕНЬ

* * *

Мелкие, вместо воротных замков,
и размером с телёнка, угрожающие
вырвать с петлями ворота, они
разрывают ниже от центра и к началу дач
своим настойчивым обрядом. Может,
правда, ходит кто-то чужой, заглядывает в дома, и они
отводят, шумят, срывают цепи. Дряхлое радио сегодня
говорит что-то своё, вместо новостей и сопроводительных
мелодий — клёкот, превосходящий способности адресата.
Среди бела дня специально обученные люди
срезают проволоку, мотают на катушку и бросают
в кабину муниципальной машины. Но ночью-то
кто из обесточенного молчит? Такое время, что лучше
затаиться, когда всплывает, приобретая форму,
заполняет эхом эхо в пустотелой веранде, отсутствие
отсутствию говорит: замри, притворись.
Они, эти случайно подвернувшиеся, или зрители,
или наследники, иногда так мерзко воют у глухой
стены, будто кто-то уже внутри, уже вошло в помещение.
Иногда ничего не сделать.

Ссылка на текст: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2018-37/nikolaev>

ЕЛЕНА ПОГОРЕЛАЯ

* * *

О. Ч.

Я никогда не видела, ничком
ли, навзничь ли, повертываясь на бок
под тусклым синеватым ночником,
ты засыпаешь — но сиротский навык
угадываю.

Плакать ли о том,
что ты однажды медленно, с трудом,
как все другие — музыке и чтению,
научишься его преодолению?
Научишься не всхлипывать во сне
на скомканной промокшей простыне,
научишься смеяться тем, кто снится,
сквозь слипшиеся русые ресницы,
научишься считать до одного...
И пусть не у меня,

но у кого-
то сбудутся ночные упования,
как в диккенсовских снах пред Рождеством:
и гаммы, и уроки рисования,
и твой висок на сгибе локтемом.

Источник: *Погорелая Е. Медные спицы.* — М.: Воймега, 2018.

ВЕРА ПОЛОЗКОВА

* * *

когда мы были молоды, состояли из ярости и воды,
мы любили родимые северные ады:
нас заставлял привставать на лапах
их опасный железный запах

а теперь изнутри только змеи нас шевелят,
и нам делается черно за своих щенят
пока пахнут они, как сдоба или нуга,
на черта им эти шипованные снега

каждый, кто их разглядывает вблизи,
говорит нам отныне «прячься» и «увози»
и мы дышим им в уши, кто латаный, кто хромой,
и не знаем, куда идти, если не домой

посмотри на меня, лохматая голова:
ненависть отрава, и только любовь права
тот, кто придет отнять тебя, дождевых
червяков унесет с собой, только не нас живых

не бросайся на слабых, не дергайся, не скули:
даже здесь зацветут заборы и костыли
лед расступится, рана станет неглубока:
и господня ладонь огладит твои бока

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/vera.polozkova/posts/1498841796894721>

АНДРЕЙ ПОЛОНСКИЙ

* * *

Неизвестная ящерица выходит из моря,
Огненный зев
Слизывает один приморский поселок,
Другой,
Озирается.
Где Давид для этого Голиафа?
В конторах шушукуются.
Клерк говорит секретарше:
Не может быть,
Бабушкины сказки.
Министр говорит министру:
Никто не примет надлежащие меры.
Спецназ отступил от Байдарских ворот.
Где Давид для этого Голиафа?
Маг Александр и священник Виссарион
Теребят свои маленькие книжки.
Один спрашивает: Как ты думаешь,
Стоит ли принести жертву?
Слезы грешника, — жертва, угодная Богу, —
Отвечает другой.
Где ты здесь видишь Бога,
Очнись! —
И вообще, где Давид
Для этого Голиафа?
И вот он выходит,
Верней она,
Девочка,
Длинные глаза, наглый рот,
Острая грудь, великолепные ноги,
Именно про такие ноги говорят: от ушей.
Уйди, слышишь! —
Как она услышит, ящерица высотой со сталинскую девятиэтажку,
Уйди и не возвращайся! — повторяет она и даже, кажется, улыбается.

Неожиданно чудовище делает один неуверенный шаг назад,
Другой,
И вот оно уже скрылось за линией горизонта,
Только несколько огромных волн,
Выдыхая: ух! —
Накатились на берег.
Это была Лиллит, —
Говорит клерк секретарше.
Эта была ехидна, —
Говорит министр министру.
Какая-то непотребная история, —
Восклицает священник,
И маг кивает ему.
Он обещает поискать хоть какие-то аналоги в средневековых манускриптах
И неканонических апокалипсисах...
Девушка поднимается от берега в гору.
Случайный прохожий ее спрашивает:
Кто ты на самом деле? —
Я Давид для этого Голиафа, — отвечает она,
Закуривает и смеется.

Источник: *Полонский А.* Где пчелы. — СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2018.

ЕВГЕНИЯ РИЦ

* * *

Он увидит сквозь дырку в заборе
Вечереющий сад и в саду
Механический сад, и всё горе
Сладкой взвесью осядет во рту.
Эта дырка — не память. На память
Только светлая дырка, и в ней
Пять минут собираются падать
Много листьев с ветвистых теней.
Он увидит сквозь дымку в просторе
Отцветающий глаз и в глазу
Электрический лес из историй,
Отвечающих звуком на звук.
Молоточек ударит, и эхо
Из коленки по локтю пойдёт,
Это связан скелет человека,
Точно сад и оставленный плод,
Или лес и грибы в перелеске,
И сухая рука грибника,
Прижимаясь к колючей железке,
Ничего не снимает пока.

Ссылка на текст: <http://uraljournal.ru/work-2018-9-1867>

АННА РУСС

Дворник

Старожилы не помнят снежной такой зимы
Спрашивается, при чем тут мы
Из подсобок извлекаются лопаты, скребки, ломы

Понимая, что нет глубины, а лишь высота у его паденья
Дворник Андрей Платонов озирает свои владения
И все же думает: «Где я?»

Дома его держат за идиота
Не понимают, зачем ему такая работа
Результат которой — не удовольствие от процесса, не
Деньги, а лишь мозоли и ломота в спине

Два часа ежедневно он очищает от снега маленький пяточок,
Получая за это едва ли не пяточок
Наутро снег выпадает снова

Хреново

Но выполнимо
В отличие от иного, которое кажется мнимо:
Бесконечное выяснение отношений
Работа, не предполагающая повышений
Родители, не подумавшие о благополучии многочисленного потомства
В девяностые
Когда это было относительно просто
Долгая зима, не обещающее отдыха лето —
Все это не то, о чем должен думать джедай с Лопатю Света
«В эти размышляет часы он о чем неизвестно это»

Благословен, кто может каждый день заканчивать дело
Это награда для Зрячего, не видящего Предела

Только не спрашивайте, почему он снег убирает почти бесплатно
Это и так понятно

Он убирает снег, чтобы снег был убран
Не важно, что он увидит, вернувшись утром
Главное — что он созерцает вечером перед тем, как идти домой
И почитать во дни Шестой и Седьмой

Источник: *Русс А.* Теперь всё изменится. — М.: Livebook, 2018.

ГАЛИНА РЫМБУ

Мой отец спит на полу

мой отец спит на полу, и мы ждём
его зарплаты, как чуда, как мессию, как в детстве, как конец света,
когда мы все вместе обожрёмся и умрём
и увидим сияние мира без времени, — так мы ждём,
вечерами вдавливая взгляды в наше единственное окно в единственной комнате,
покрытое серой фольгой от летнего солнца;

мой отец спит на полу
в кухне, а мы с мамой и с моим сыном в комнате и, кажется, дышим синхронно
и ночью, просыпаясь, слышим друг друга;

на ТЭЦ-5 опять пробивают трубы и слышен их гул, а временами
и рёв самой большой трубы,
рассеянный по району — так, как будто бы он выпрыгивает из неба
и несется по нашей гнилой земле, как злой дух. и август
синих быков своих гонит по тёмному небу, по нервным холмам мусорных свалок,
по заросшим прудам и дворцам
пригородных супермаркетов —
к нашим сложным сообществам, сбитым в один дом, один рой ума,
омывающий землю дурацкими слезами,
когда мы ждём зарплату отца и ругаемся,
потому что её всё нет, и мы не можем просто убить, попросить уйти
тех, кто виноват в этом; поэтому иногда мы просто хотим убить друг друга,
когда август разрывает мозги своим чёрным свечением,
когда деревья становятся живыми и обнимают пьяных людей на окраине,
баюкают их, как малых, опуская потом тихонько к мусорным бакам,
когда старый кот на кухне грызет сухой укроп и плачет неясно
отчего чем-то животным;

мы хотим друг друга убить, как родные, но засыпаем снова,
и даже во сне мы с мамой ждем папиной зарплаты,
чтобы купить шампунь и гель для душа, чтобы покатать моего сына на лодках,
чтобы сесть на маршрутку и поехать в центр на выставку цветов,
а еще, чтобы, наконец, поесть то, что хочется, есть и есть,

пока не кончится время; а папа спит на кухне и кашляет,
его легкие не распускаются алым цветком, как в поэзии, а глухо бултыхаются внутри,
кожа мучается ночным запахом;

он спит и сам ничего не знает о своей зарплате,
он говорит во сне по-молдавски с братом.

(Из цикла «Космический проспект»)

Ссылка на текст: <https://syg.ma/@kirill-korchaghin/galina-rymbu-kosmichieskii-prospekt>

АЛЕКСЕЙ САЛЬНИКОВ

*

Кухня раздвинулась до размеров страны, страна
Постепенно оказалась совсем другой,
Называл её Софьей Власьевной, а она
Е.анутая, как Настасья Филипповна, дорогой,
Она с приветом, и этот ее привет
Перехлестывает через каждый порог,
Создается впечатление, что Сахаров, правь он несколько лет,
Тоже бы попытался остаться на третий срок.
Далее что-нибудь нужно про день сурка,
Ночь песка, вечер скрипучих петель,
И досок, и снега, и, кстати сказать, снегá
Перемешаны со снегами и медведями, и метель
Из снегов и спящих медведей то стелется, то кружит,
Всячески меняется, но остается такой,
Чтобы поэт, что внутри неё лежит,
Столбенел от того, что он мёртвый и молодой
Заранее. Лежит, как в окне бабочка или оса,
Причём с издевательской улыбочкой на устах,
От того, что зима литературе, как гопник, смотрит в глаза,
А литература только и может ответить: «Кудах-кудах».

Источник: Сальников А. // Антология «Современная уральская поэзия». Челябинск: Изд-во Марины Волковой, 2018.

ЖАННА СИЗОВА

Мотет для косатки Талекуа

Солнце скрывает несътую сущность моря.

Луна обнажает сокрытое солнцем.

Страшен кит, чёрная глыба в грозной воде.

1-й голос: Мёртв твой детеныш, косатка!

Не плыть ему за тобою, волной играя.

Глубоководный рай возьмёт его, кораллами обнимая.

Стаи сардинок серебряной стрелкой сверкнут,

Звезды морские скорбно лучи сомкнут.

2-й голос: Чем глубже дно — тем плотнее жизнь,

тем голоднее жители океана.

Тонкий слух напрягает ухо, растирает мочку:

колебание волн означает питательную цепочку.

В тот момент, когда пишуший ищет слово,

всяк обитатель дна ждёт своего улова.

Страшен кит, как подводная лодка-призрак, белая субмарина.

1-й голос: Вязок ил затонувших вёсел, плотнее глина.

Малое поедается большим,

большее расщепляется малым.

Что за шабаш, брызги, заряд шрапнели?

Это тунцы и чайки охотятся за макрелью.

2-й голос: Припасть бы тебе, косатка, на дикий хребет волны,

когда солнце сомкнуло веки и горизонт в тумане.

Страшную встретив весть, остановить сраженье,

свет едва различая от бликов и отражений.

Страшен кит, как морская торпеда с гребным винтом.

1-й голос: Марианской впадины пасть — укрытье твоё, твой дом,

в ней бурлящий вулкан, как чайник, подогревает воду —

повивальный знахарь, что принимает роды.

2-й голос: Косатка Талекуа, красотка Талекуа,

то курсом, то дрейфуя,

всё носишь дитя своё мёртвое, как живое.

Страшен кит во скорби своей и гневен.

1-й голос: Море ждёт, когда ты ослабеешь, оставишь ему дитя.
Клокочет, свистит вода, разбивая рифы,
острая бровь альбатроса цепляет мифы.
Спит неживой китёныш, тело его мертво,
не оставляй детёныша, не отпускай на дно.

Примечание. Кит-косатка по имени Талекуа, обитающая в Тихом океане, на протяжении 17 дней поддерживала на плаву своего мертворождённого детёныша. Подталкивая его носом, она проплыла с ним более 1,6 тысячи километров в июле-августе 2018 года.

Ссылка на текст: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2018-37/sizova>

ЕКАТЕРИНА СИМОНОВА

* * *

Я была рада, когда бабушка умерла.

Сначала она начала задумываться, замолкать,
смотреть куда-то между нами,
потом каким-то последним усилием воли
возвращаться обратно.

Через месяц вдруг спросила маму:
«Что это за мальчик сидит на холодильнике?
Видишь, смеётся, хорошенький такой, светловолосый.
Смотри, смотри же — спрыгнул, побежал куда-то,
куда побежал?»

Назавтра увидела деда, молодого, весёлого,
наконец впервые через семнадцать лет после его смерти:
«Что за рубашка на тебе, Афанасий?
Я у тебя что-то не помню такой, я тебе такую не покупала».
Через пару дней напротив за столом
сидела её мачеха. Бабушка толкала мою мать в бок локтем:
«Оль, ничего не пойму — что она молчит и улыбается и молчит,
молчит и улыбается. Матрёна, да что с тобой?»

Через неделю людьми был полон дом.
Бабушка днём и ночью говорила только с ними, знакомыми нам,
ни разу нами не виденными, мёртвыми, довольными,
рассказывающими наперебой,
какой в этом году будет урожай,
как они рады встрече,
а что это за чёрный котёнок прячется в ванной?

При следующей нашей встрече не узнала меня,
как будто меня никогда и не было.

Перестала вставать, открывать глаза, только что-то шептала,
тихо, нехорошо так смеялась —
пустая оболочка, полная чужим духом, как дымом.
Это была не жизнь и не смерть, а что-то совсем чужое,
что-то гораздо хуже.

Потом перестала и смеяться.
Когда мы с мамой меняли простыни, пытались вдвоём её приподнять —
измучились, крошечное тело стало втрое тяжелее,
будто уже заживо пыталось уйти в землю,
стремилось к ней.

В день похорон мама первой пришла в бабушкину квартиру,
присела на кухне.
Рассказывала, что вдруг стало тихо,
потом вдруг ни с того, ни с сего
начали трещать обои по всем комнатам,
вдруг заскрипели, приближаясь, половицы в коридоре.
Но, слава богу, тут кто-то постучался в дверь.

Целовать покойницу в лоб никто не целовал:
тело начало неожиданно чернеть и разлагаться.
Говорят, переморозили в похоронном бюро.
Что-то, говорят, пошло не так.

Я не хочу об этом помнить.
Я всегда думаю об этом.
Ужасно скучаю.

В итоге
смерть даёт нам не меньше, чем жизнь:
законченный образ, историю,
которую нужно однажды рассказать,
чтобы не сойти с ума.

Треск обоев в пустой утренней квартире,
маленький-невидимый-смеющийся мальчик.

Ссылка на текст: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2018-37/simonova>

ДМИТРИЙ СТРОЦЕВ

* * *

Светлане Кравец

я сгорел
на холодной войне
как ржавеющий парк
дотлеваю в кленовом огне

не стрелял
а ловил на краю
разнопалые листья
лица павших в неравном бою

я хмелел
целовал на ветру
обличающих губ
голых рук молодую кору

не убит
не распят на земле
но скулит моё сердце
и собакой дрожит на золе

Ссылка на текст: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2566175230063378&id=100000127774254

НАТА СУЧКОВА

* * *

Был пруд, и в том пруду — полно амфибий,
— о, греки, амфибрахий и пиррихий! —
загон, в котором я пасу гусей,
стрижи, что разгромили партитуру,
клянусь тобой, моя литература,
мне никаких не надо новостей!

Вот облако зависло мягкой глыбой,
есть фото: баба Маня чистит рыбу —
пузатых задремавших карасей.

Есть фото, на котором живы все.

Они как будто дымом или фоном,
слегка не в фокусе или совсем за домом,
уехали на рынок, за грибами,
ушли на озеро или стоят за баней,
и все же — где-то рядом с бабой Маней,
за ситцевой худой ее спиной.

Оглянется — они стоят стеной.

И крутится щенок, как заводной,
и радуется, и немного трусит,
и котики, схороненные Люсей,
и котики, схороненные мной...
И крутит колесо свое фортуна,
и латы карасей лежат латунны.
Мне больше даже нечего просить!
За этот вдох или за этот выдох, —
— о, греки, амфибрахий и пиррихий! —
За то, что я могу их воскресить.

Ссылка на текст: <https://magazines.gorky.media/arion/2018/4/205535.html>

АНДРЕЙ ТАВРОВ

Блейк и младенец

Уильям Блейк парит в дирижабле, а дирижабль в другом парит дирижабле, а тот в Уильяме Блейке, странная, если взглядеться, фигура, как снежный ком вывернуть в капли из садовой лейки

и поместить в сферу неба, откуда берется дождь.
Блейк идет в сторону Оксфорд-стрит, его спина в пламени, замечает подкидыша на пороге, берет его на руки, видит драконьи крылья, но не отбрасывает, а что-то шепчет в ухо.

Уильям — третий калач! Сатана, говорит Уильям, это неправильное слово, правильное — Force, Сила, и несет дитя в приют мимо: тракторов, набережных, инвалидов, мимо луж, телег, хлопающих калиток, мимо служанок, клерков, грузчиков, открытых окон, Уильям идет как разорванный кокон, ставший бабочкой в воздухе достоверном,

мимо матросов, баров, мимо таверны с государственным флагом, славься и правь морями, бабочка с выгоревшими бровями.

Первая сфера Англии — ангел по имени Сандальфон, снег на него сыплется со всех сторон.
Совесьть — это форма пространства и речи.
У Блейка на спине зажгли все свечи.
Любовь — это то, что формирует формы, гнет брег и губы, но щадит тростник и рыбацкие шляпы.

Младенец умирает, совсем синий, но Блейк донесет младенца, он донесет младенца,

завернув в свое сердце бум-бум, в свое сердце бум-бум —
одно и то же сердце для лошади, рыбы и бабочки.

Наших форм не видят ангелы, все это бред собачий
про нежных ангелочков,
язык смерти — все, что мы тут важно делаем и вещаем —
им неведом и сами мы им неведомы.
Ангелы видят сердце Блейка — что-то вроде безрукого
и безногого инвалида, в лучах плывущий обрубок,
что-то вроде пустой байдарки на зеленой реке —
звезду Престолов.

Ссылка на текст: [http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_3/Content/
Publication6_6849/Default.aspx](http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_3/Content/Publication6_6849/Default.aspx)

АЙГЕРИМ ТАЖИ

* * *

В коробке из-под немецкого шоколада
мать прячет бирки, зубы, первые волосы
сына, живущего где-то в пределах города,
звонящего в день рожденья уставшим голосом.
Когда приходит этот, уже мужчина,
с руками в венах, с букетом цветов дешёвых,
она наливает чашку до половины,
чтобы он поскорей ушёл.

Ссылка на текст: <https://za-za.net/bumjur/46/pust-slyshat-oni-tolko-more-stihi>

МАРИНА ТЁМКИНА

* * *

Проза. Каша во рту. Не умею и не могу,
не хочу учиться ничему твоему.
Да ведь писала-писала я на своем веку
для «Голоса» и «Свободы» рецензии,
заявки на гранты, на выставки, стихи
не в счет, короткие, средние, длинные,
хорошие и похуже, но о чернильнице
Чехова не проси, не пользуемся чернильницами.
Дневники мои, письма, километрами их.
Однажды на плохом английском написала
совершенно незнакомой женщине
в женской академической группе, как меня
изнасиловали, как будто ей это могло быть
интересно или как будто её саму не изнасиловали.
Во второй половине жизни писала истории
психиатрических болезней в медицинских картах
сжато прозой. Но близкие друзья десятилетиями
твердят: «Пиши прозу, стихов никто не читает».

Ссылка на текст: <https://sites.google.com/site/emliramagazine/avtory/temkina-marina/2018-1-1>

ЗОЯ ФАЛЬКОВА

Тяговая сила

Это стихотворение написано по мотивам реального комментария реального мужчины, оставленного под постом про объективацию женщин.

Он написал:

Традиция переноски мужчинами тяжестей для удовлетворения желаний клиента является исторической практикой во всех культурах. Рассмотрение мужчины в качестве инструмента для переноски тяжестей — это объективация.

*

он идёт по тёмной улице
сжимая в потной от страха ладошке ключи
чтобы дать хоть какой-то отпор
если из подворотни появятся пятеро
И ЗАСТАВЯТ ТАСКАТЬ ТЯЖЕСТИ
впятером
он знает, что ключ — никакое не оружие
что ключ не поможет.
и что за сопротивление его изобьют — и до и после.
но металл в руке придаёт хоть какой-то уверенности.

он знает, что полиция потом ничего им не сделает
в полиции будут смеяться и говорить
не, ну ты сам виноват
надо было таскать
а что, ты молодой, с тебя не убудет,
не умер же от этого
и вообще, знал где ходить
и что ты делал там один на улице
надо было думать заранее.
и не шляться.

и если пойти в полицию
тогда все узнают и останется одна дорога —
в грузчики.

а о том, чтобы стать грузчиком
и таскать тяжести за деньги
даже думать нельзя никогда.
возможно, именно поэтому
фантазии о групповом перетаскивании пианино
с первого этажа на пятый
кажутся такими сладкими.
но об этом нельзя никому говорить,
можно только украдкой посмотреть фильмы.
самому таскать следует только после свадьбы
и только для единственного человека.
ведь это высшее и основное предназначение,
это природа и биология.
и всё остальное неважно.

он знает, что есть специальные клубы,
куда приходят смотреть на красиво таскающих.
но приличные мужчины сидят дома
особенно по ночам
и таскают только свои тяжести.

уважающие себя мужчины
всегда выглядят так
будто всю ночь таскали
и всё равно готовы ещё.

очень важно выглядеть свежо и тяжестеспособно,
но не так потасканно, как грузчик.
важно соблюдать этот баланс.
тогда точно возьмут на работу.
вне зависимости от образования и квалификации.

и вот идёт он, очень тяжестетаскабельный,
по тёмной улице,
возвращаясь домой с работы
(там задержали)
ускоряет шаг,
оглядывается
и сжимает в потной ладонке ключи.
для уверенности.

Ссылка на текст: https://issuu.com/tonkayagran/docs/queer_poetry

ЕЛЕНА ФАНАЙЛОВА

* * *

31 июля

Лучшие из лучших
Совершенные из совершенных
Защищенные невероятно
Своим знанием опасности
Теперь мертвы.
Не могу в это поверить.
Война близко. Война так близко.
Война в моем доме
Моего друга тупо расстреляли
За то, что он зашел за такую границу,
За которой слишком много золота, нефти и крови
Оружия и невероятных денег.

Говори со мною, Мать Взыскания погибших.

Я пытаюсь представить тебя, Саша, мертвым.
Я даже тебя отчетливо вижу
Каким ты бываешь мертвым
В твоем лице немного изменилось
Живой человек не мог бы делать твою работу
Многое должно умереть в таком человеке
Только не могу представить, как вас расстреляли
Кто вас заказал и кто предал.

Наша профессия репортер мы просчитываем риски
Мы не едем в горячие точки без соглашений
У меня отказывают руки и ноги
Но мозги кое-что соображают
Саша вас отследили и тупо сдали
Что-то пошло не так в этой схеме

1 августа

Я видела тебя мертвым
На фотографии с франкоязычного сайта.
Три пули в области сердца
И одна вошла в печень.
Твое лицо совершенно не изменилось
Хотя твоё тело валялось в каком-то кузове автомобиля
Рядом с Орханом.
Майки на вас были задраны так, чтобы продемонстрировать
Входные отверстия.
Это напомнило мне картинки убийства Немцова.
На твоей была написана какая-то смешная х.ня по-английски
Перечитывать не стану
Я надеюсь, что все произошло так быстро,
Что вы мало успели о чем подумать
И почти не чувствовали боли

Говори со мною, Мать Взыскания погибших.
Просвети мою голову, удержи мои руки,
Дай мне понять, что произошло на самом деле.

2 августа

Вот зачем ты все это исполнил
Режиссер такого х.евого лета
Нет, я понимаю
Про адреналин, деньги и профессиональные интересы.
Но вот нам-то зачем все то, что ты собою проделал,
Тем, для которых ты был звездой этого падшего мира,
Его надеждой, его гуманитарным конвоем
(Я боюсь упоминать родных и близких)
Где находился предел твоему состраданию ко младшим и полоумным
К бедным людям чудовищной русской жизни,
Нетерпимости ко злу во всех его проявлениях
Вплоть до прямого взгляда в глаза кавалеров ада
Почему эти качества сделали тебя жертвой
Адских у.бищ?
Почему ты не хотел остановиться?
Почему у тебя не было хорошего огнемета?

Как говорил один наш общий товарищ,
Ты давно сам содрал с себя кожу.

Это известный античный сюжет, но вряд ли ты о нем как-то думал,
Человек луны, не человек солнца.

Много смертей у меня, твоя ни на что не похожа
Или похожа на все травматические боевые

Мальчиков надо качать в колыбели, пока их отцы там далеко воюют
За вашу и нашу свободу
Мальчиков надо прижать ко груди и легко баюкать
Эти движения успокаивают и мать, и младенца
А у нас с тобой на Дону их даже запоминать не надо
Каждая женщина понимает, что все это ненадолго
Будут ее пацану и Дон и Дунай, и Шпрее, и Висла,
И Западный Буг и Волга
Вас никогда и ничем не остановить, наши парни
Мы выбираем таких как вы, потому что наши прабабки таких выбирали
Сделанных в огне и металле

Мать Христа поднимает его как ребенка
Под коленки
Мальчиков надо уметь отпускать и потом ожидать их
До дома практически вечно
Сохранять терпенье казачье

Саша, уже третий день, наконец я плачу.
Жду твое тело здесь. Душу твою не покину.
С нами Мать Взыскания погибших.

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/fanailovae/posts/10156092708789145>

П. И. ФИЛИМОНОВ

Аквитания

по покрытому чёрным снегом
стеклянному полю
площадь в двадцать четыре арпана
бегает синекрылый предынфарктный заяц
петляет, совершает зизгаги, выписывает
немыслимые кривые
возвращается и снова
делает ноги
как будто важнее этого
и нет ничего
на всём этом чёрном свете

бабушка зовёт тебя с горки
говорит, что пора обедать
говорит, что ты уже весь мокрый
интересно, откуда она может знать
она лежит так далеко
ничего не видит и не
чувствует

проезжая мимо твоего дома
я вдруг захотел выйти
и рассказать тебе
как оно всё обернулось
но передумал
если тебе это интересно
то ты и так знаешь
а если тебе неинтересно
то что я буду

если подняться на летательном аппарате
но не слишком
а так

на рассчитанную высоту
можно увидеть что он
не просто петляет
а пишет
по чёрному стеклянному снегу
белыми карандашами
«всё, что ты хочешь, — вокруг тебя»

хорошо быть зайцем

Ссылка на текст: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2018-37/filimonov>

ФЕЛИКС ЧЕЧИК

* * *

С тех пор, как минимум, лет сто
прошло, а, может быть, и двести:
мой плащ с твоим полупальто
на вешалке висели вместе.

Мой кожаный и нежный плащ
с твоим полупальто в горошек;
не плачь, что время, как палач
казнит и не щадит хороших.

В Москве, как в цирке шапито,
разгуливали по морозу.
Где плащ и где полупальто,
которые не знали сносу?

Их нет, как нет и нас с тобой.
И веры нет и нет надежды.
Лишь неба полог голубой —
все, что осталось из одежды.

Но плащ висит в прихожей вновь
с полупальто в обнимку снова,
как бесконечная любовь
на фоне неба голубого.

Ссылка на текст: https://new-youth.ru/upload/iblock/5aa/2_%E2%84%96146_Chechik.pdf

АЛЕКСЕЙ ШВАБАУЭР

* * *

ламантины в пруду

в ожидании лета

прижимаются
лапками
к тонкому льду,

если вынуть из куртки
котлеты

так смешны
их ужимки,

извилисты
скользкие
спины —

подивисься
насыщенной
зимней их жизни,

отчего мы
не как ламантины?

Ссылка на текст: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2018-37/filimonov>

ГАННА ШЕВЧЕНКО

* * *

Медлительно, как древняя пирога,
боками дымноватыми алея,
плывёт рассвет. Окраина. Дорога.
Век двадцать первый. Эра Водолея.

Земля нетленна, густонаселённа,
над ней столбы застыли часовые,
внутри двора от тополя до клёна
натянуты верёвки бельевые.
Поэзия закончилась. Ни песню
не сочинишь, ни горестную оду.
Лишь изморось над крышами, хоть тресни,
да санкции на зимнюю погоду.

Мой дом выходит окнами на небо —
я на него смотреть предпочитаю,
но Бог давненько в наших сферах не был,
здесь Докинза архангелы читают.
Вот и лежу в миру материальном,
смотрю из незаправленной кровати,
на то, что оказалось идеальным:
косяк двери, окно, обогреватель.

Ссылка на текст: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2018/10/bogomolnaya-samka-stiha.html>

СЕРГЕЙ ШЕСТАКОВ

ДИХОТОМИИ

Смысл отражается мириадами зеркал в условном пространстве духа, прыгая, от одного к другому солнечным зайчиком, теннисным шариком, утяжеляющимся после каждого отражения до тех пор, пока одно из зеркал не поймает и не вберёт его окончательно. Эта окончательность впоследствии всегда оказывается временной или мнимой.

1

ты видишь сон, и музыка во сне
тебя несёт, стирая и творя,
но лишь когда она звучит извне,
ты видишь сон — и это жизнь твоя,
и, отражённый сонмами зеркал,
под амальгамой смыслов погребён,
пока один из них не засверкал,
ты видишь сон — и это только сон.

2

ты видишь тьму и чёрной ночи стяг,
накрывший мир, каким он мнился весь,
ты безымянен, нищ теперь и наг,
ты видишь тьму, она и вне, и здесь,
слова опали, как листва с дерев,
что внятно духу, скрыто от ума,
пока ещё не начат шестоднев,
ты видишь тьму — и это только тьма.

3

ты видишь явь и мнимые дары,
бесценные вне сокровенных недр,
исчисленное длится до поры,

у подлинного — длительности нет,
что движет словом — те же острова
блаженные, как сущее ни правь,
где бриз нежней, где зеленой трава,
ты видишь явь — и это только явь.

4

ты видишь свет, и полости пустот,
внимательных к податливому в нас,
берут тебя в бессрочный оборот,
впиваясь в сердце миллионом глаз,
и, втянут под огромный микроскоп,
ты смотришь вверх, нездешнему сосед,
брошенный в брошенный раскоп,
ты видишь свет — и это только свет.

Ссылка на текст: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1964117317238423&id=100009205211323

ИРИНА ШОСТАКОВСКАЯ

* * *

Нас было четверо на берегу:
Коза, капуста, волк и я,
Перевозчик.
Нам было долго ждать погоды,
Желтея, волновались берега,
Там здесь, камыш осока.
Я попросил, чтоб кто-то повторил.
Никто из них не говорил.
Я позвонил в подстанцию — помехи...
Я осмотрелся. Осмотрел со всех сторон. Монета
Лежала в капустных листьях. Остальные
Молчали. Ну ладно.
Я позвонил в подстанцию, матернулся,
Чем больны эти звери, я многое видел, слишком долго для вас живу,
И мы поплыли.
Нам было мирно на челне, звенели деньги в чьей-то пасти,
В лицо дышало медленной рекой
И не мешало. Стояли смиренно звери,
Точно не шевелилась капуста,
Всё вместе казалось нелепым и слишком плотным:
Листья, рога, шерсть,
Неожиданно лодка ткнулась бортом. Коза сплюнула медяк
и выскочила на берег,
Капусту я отдал какой-то женщине, она быстро её перехватила,
С волком пришлось повозиться. Он вёз монету.
Кажется, он вёз едкий натр.
Пока я ополаскивал руки и вытирал рацию,
С берега слышались крики: Эрих! Антон! Елена!

Ссылка на текст: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2018-37/shostakovskaya>

ЛЕТА ЮГАЙ

Урок чистописания

Отец не держал обиды на советскую власть.
Можно сказать, камня за пазухой не хранил.
Переписывая набело: любил.
Может быть, чего и хотел рассказать, но мать ему не давала.

У матери и своя мать, моя бабушка, тоже сидела.
На полях: она была очень честная, даже слишком.
Дала зерна двум солдаткам с детьми,
Кто-то и настучал.
Всех троих посадили.

Переходя к главному тексту:
И мать написала письмо т у д а.
А почерк у нее был, такой ровный, красивый, что загляденье!
Через полгода выходит как-то из школы, а там бабушка,
Похудевшая, в отрепьях, стоит поодаль.
Смотрят друг на друга, а обняться не смеют (мама учительница, мало ли что).
Так бабушка и пошла в свою деревню еще пять километров.
А мама обратно в школу,
Вести урок: «У Шу-ры ша-ры. Ма-ма мы-ла ра-му».
Много ведь писем писали, говорят, не все читались,
А её — такое красивое, ладное, загляденье — прочитали.
Вывод: (мама всегда говорила) учитесь красиво писать,
учитесь, учитесь, учитесь.

Вот мы выучились, разъехались.
И никакой в нас обиды.
Вот это мама. Вот это мама с отцом.
А бабушкиной фотографии не сохранилось.

Ссылка на текст: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_5/Content/Publication6_6899/Default.aspx